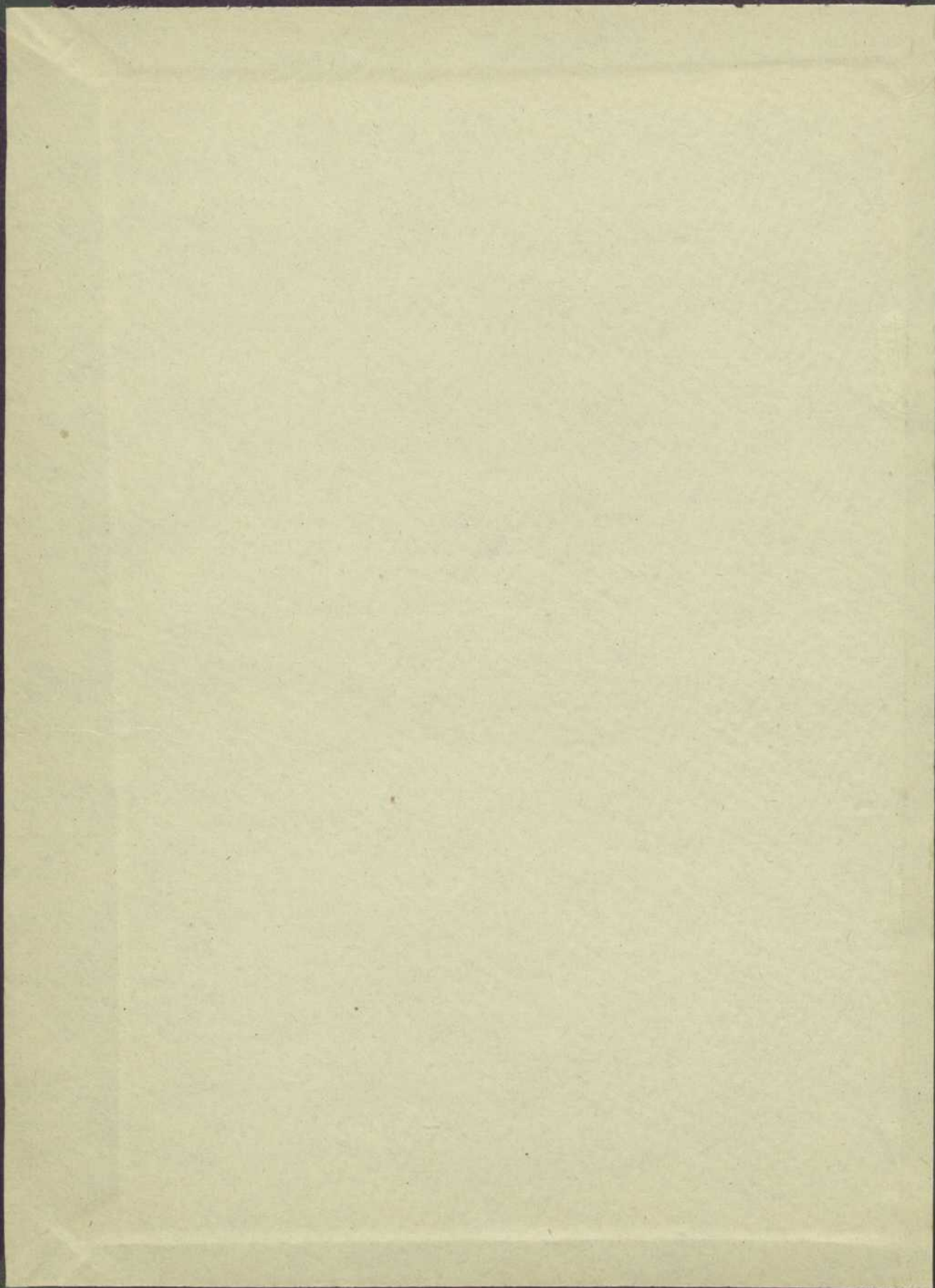
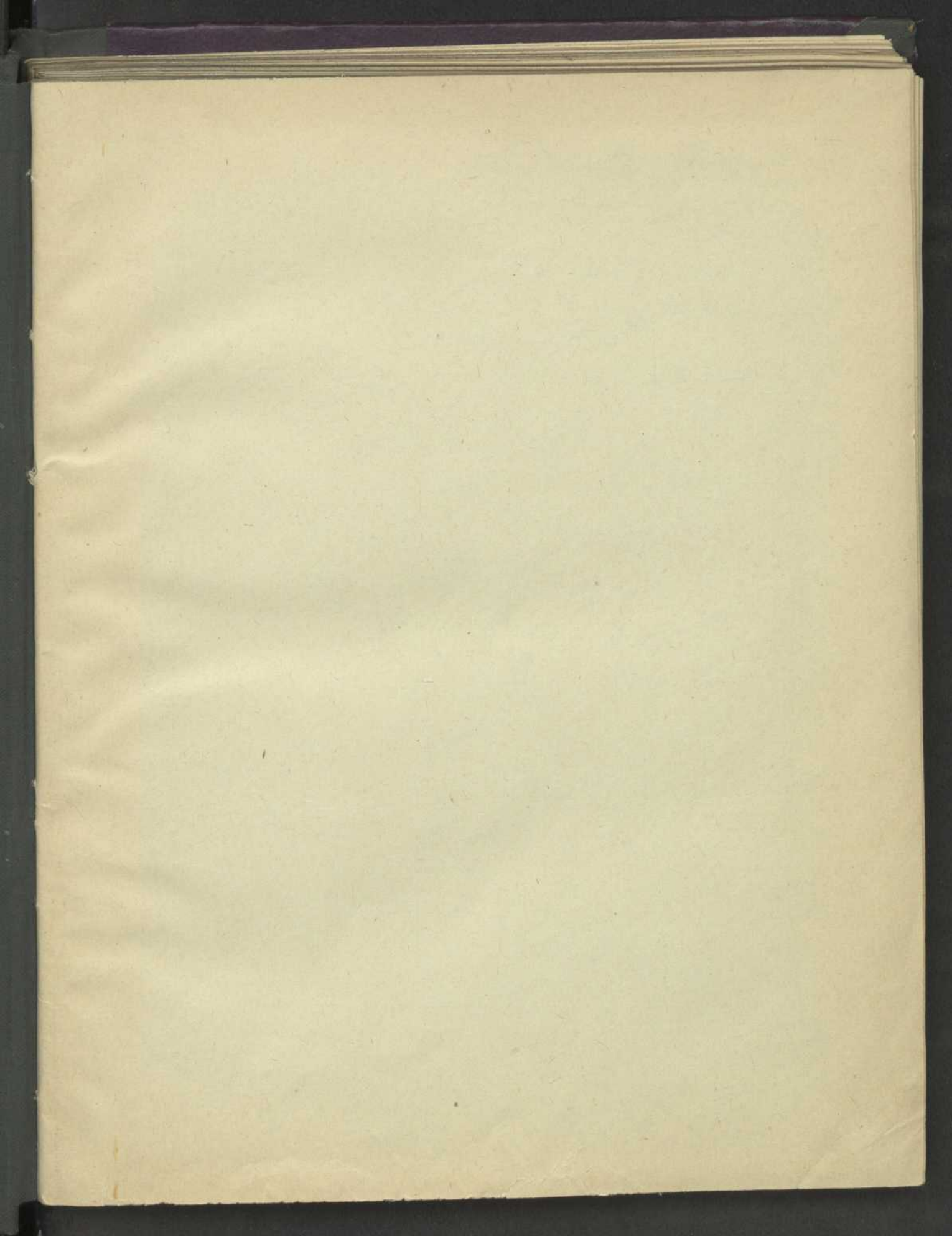
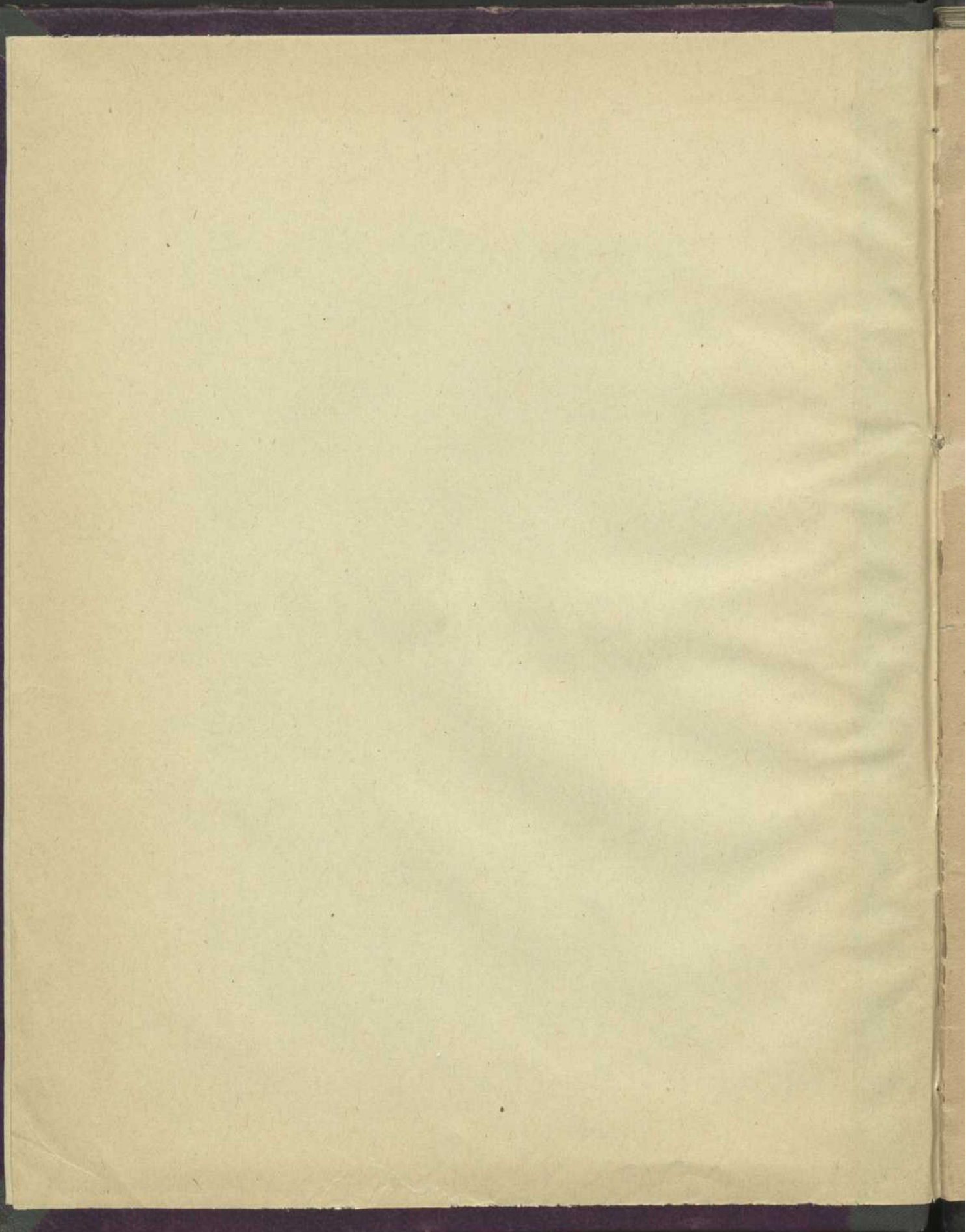

89 356

Бр 356

Многоуважаемому
Николаю Андреевичу

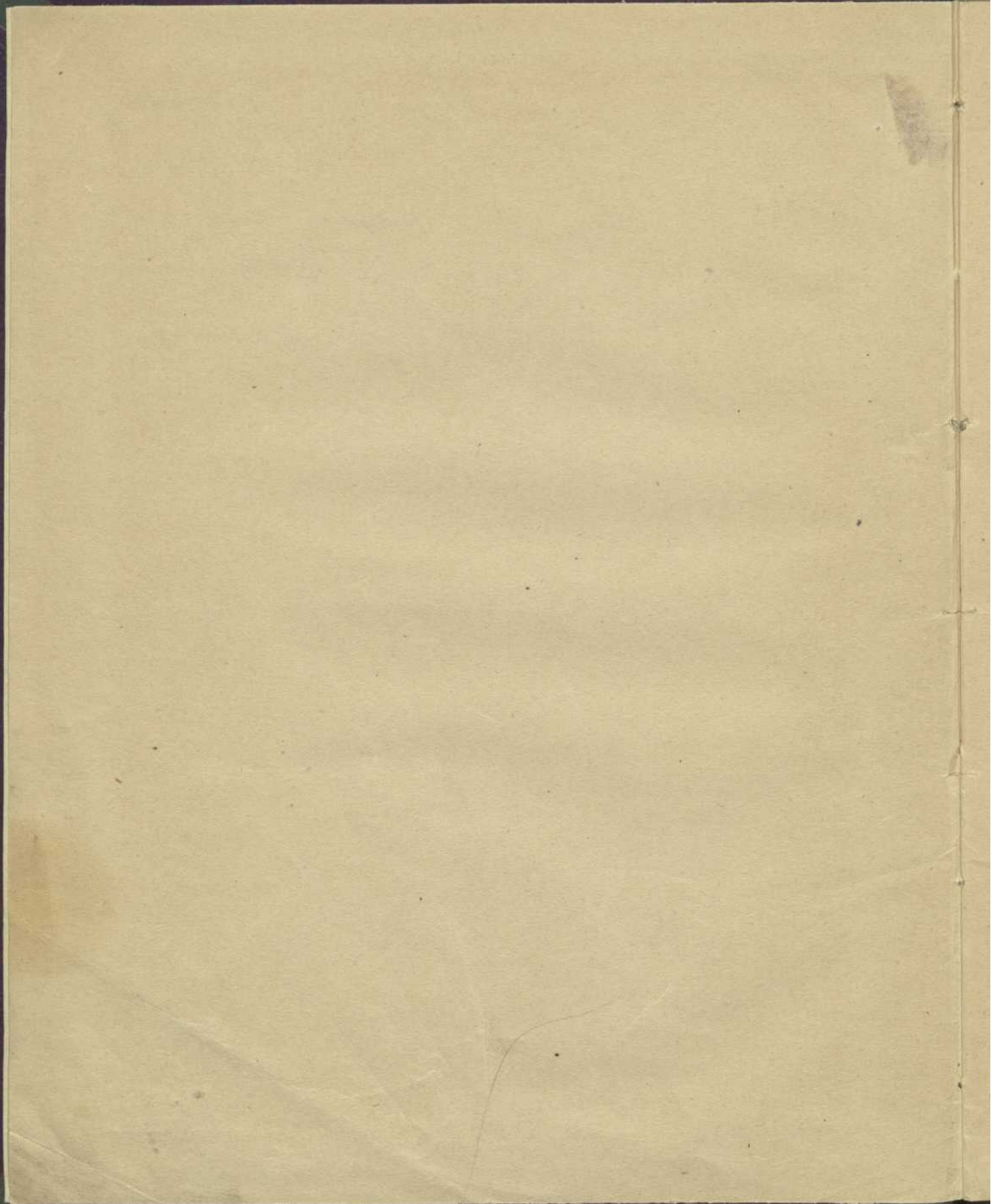
Сургулю

искреннею преданности

А. В. Меньшикова

23 января 1917 года

Меншиков

1898

823

10.17

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ

КНИГИ
НАРОДА ПОЛЬСКАГО
и
ПОЛЬСКАГО ПИЛИГРИМСТВА

ПЕРЕВОДЪ
АНАТОЛІЯ ВІНОГРАДОВА

СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ И ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

МОСКВА

1917

У.Д. 356
14.11.1853 69640

БССР
Дзяржаўная бібліятэка
імя В. І. Леніна
кал № 3422

1963 г.

Нацыянальная
бібліятэка
Беларусі

13 11/753 (026)

КНИГИ НАРОДА ПОЛЬСКАГО

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ОТЪ НАЧАЛА МІРА ДО МУЧЕНИЧЕСТВА
ПОЛЬСКАГО НАРОДА.

342A

Въ началѣ была вѣра во Единого Бога, и существовала въ мірѣ свобода; и не было законовъ, но была только воля Божія; и не было ни господъ, ни рабовъ—были только патріархи и дѣти ихъ.

Но съ теченіемъ времени люди отреклись отъ Единого Бога и сотворили себѣ кумировъ, и поклонялись имъ, принося кровавыя жертвы и ведя войны во славу кумировъ своихъ.

И за это Богъ ниспослалъ идолопоклонникамъ тягчайшую кару—порабощеніе.

И стала одна половина рода человѣческаго работою другой, хотя все люди произошли отъ Единого Бога. Но отреклись они отъ своего происхожденія и измыслили себѣ разныхъ отцовъ: одни сказали, что происходятъ отъ земли, другіе—отъ моря, а иные—отъ иныхъ.

И когда, ведя войну, одни брали въ рабство другихъ, тогда случилось, что все вмѣстѣ они подпали власти Римскаго Императора.

Императоръ Римскій назвалъ себя Богомъ и провозгласилъ, что нѣтъ въ мірѣ иного закона, кромѣ его воли: то, что онъ признаетъ достойнымъ, будетъ названо доблестью, то, что осудить—преступленіемъ.

И нашлись философы, доказывавшіе, что Императоръ, дѣлая такъ, дѣлаетъ хорошо.

И Римскій Императоръ, ни вокругъ себя, ни надъ собою не имѣлъ ничего, что бы онъ чтилъ.

И вся земля стала невольницей; и не было никогда подобнаго рабства въ мірѣ ни раньше, ни послѣ, кромѣ рабства въ Россіи нашихъ дней.

Ибо и Султанъ, владыка турокъ, самъ долженъ чтить законъ Магометовъ, и не осмѣливается толковать его, ибо есть на то турецкіе священнослужители.

Въ Россіи же, напротивъ, Императоръ есть глава вѣры, и въ то, во что онъ прикажетъ вѣрить—вѣрить должно.

И когда рабство взяло силу въ мірѣ, случилось такъ, что дошло оно до крайняго предѣла своего; такъ наступаетъ крайній предѣлъ мрака въ самую долгую и въ самую темную ночь, такъ насталь крайній предѣлъ рабства въ дни римскаго порабощенія.

И въ тѣ дни пришелъ въ міръ Сынъ Божій Іисусъ Христосъ, научая людей и возвѣщая, что всѣ они братья, дѣти Единого Бога.

Что тотъ наибольшій изъ людей, кто служитъ имъ и посвящаетъ себя добру, и чѣмъ лучше человекъ, тѣмъ полнѣе его жертва. И такъ какъ Христосъ былъ совершеннѣйшимъ, то надлежало Ему принести въ жертву кровь Свою въ тягчайшей мукѣ.

И Христосъ училъ, что нѣтъ ничего земного до-

стойнаго достиженія,—ни мудрость, ни могущество, ни богатство, ни вѣнецъ—одно лишь достойно—посвященіе себя добру.

И, посвящающій себя служенію ближнимъ, найдетъ мудрость и богатство, и вѣнецъ повсюду на землѣ и въ небесахъ.

Но тотъ, кто другихъ заставляетъ служить себѣ, дабы имѣть мудрость, почетъ и богатство, найдетъ безуміе, нищету и гибель на землѣ, въ преисподней и на каждомъ мѣстѣ.

И еще сказалъ Христосъ: кто пойдетъ за Мною, спасенъ будетъ, ибо Я Истина и Справедливость.

Но когда Христосъ училъ такъ, устрашились судьи, судившіе именемъ Римскаго Императора, и сказали: „мы изгнали справедливость на землѣ, но вотъ она возрождается, уьемъ ее и погребемъ въ землѣ“.

И вотъ умертвили они въ мученіяхъ святѣйшаго и невиннѣйшаго изъ людей и положили его во гробъ и воскликнули: „вотъ уже не будетъ Справедливости и Истины на землѣ; и кто же теперь дерзнетъ возстать на Римскаго Императора?“

Но этотъ выкликъ сталъ безуміемъ, ибо не знали они, что, свершивши наибольшее преступленіе, они переполнили мѣру беззаконій своихъ, и окончилось ихъ могущество въ день, когда болѣе всего они имъ гордились.

Ибо Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ и, изгнавши Императоровъ, воздвигнулъ Крестъ свой на ихъ столпцахъ, и тотчасъ же господа освободили рабовъ своихъ и познали въ нихъ своихъ братьевъ, а цари, помазанные на царство во имя Божіе, познали надъ собой Божест-

венный законъ, и возродилась на землѣ Справедливость.

И все увѣровавшіе народы, будь то Нѣмцы или Итальянцы, будь то Французы или Поляки почли себя единымъ Народомъ и Народъ этотъ назвался Христіанствомъ.

И цари разныхъ народовъ почли себя братьями и вмѣстѣ шли подъ единымъ символомъ крестнымъ.

А кто былъ благороднымъ рыцаремъ, тотъ шелъ въ Азію на войну съ язычниками, на защиту Христіанъ азіатскихъ, на битвы за Гробъ Господень.

И эту войну въ Азіи назвали крестовымъ походомъ.

И хотя Христіане воевали не для славы и не для завоеванія земель, но ради освобожденія Святой Земли, все же Богъ далъ имъ въ награду за эту войну славу, земли, богатство и мудрость, и просвѣтилась Европа, и пришла въ стройный порядокъ, и обогатилась. И за то наградила ее Господь, что она посвятила себя служенію ближнимъ.

И мало-по-малу, но непрерывно и стройно свобода ширилась воцаряясь въ Европѣ. Отъ королей шла свобода къ высокой знати, и знать, становясь свободной, простирала свободу на дворянство, отъ дворянъ изливалась вольность городамъ, и вотъ уже сходила къ народу, и все христіанство должно было стать свободнымъ, и все христіане равными какъ братья.

Но короли все извратили.

Ибо короли исполнились зла, и дьяволь вошелъ въ душу ихъ, и сказали они въ сердцѣ своемъ: „взгляните, какъ народы достигаютъ мудрости и богатства, въ какомъ достаткѣ живутъ: и вотъ мы уже не можемъ карать ихъ, и мечъ уже ржавѣетъ въ рукахъ нашихъ, а

вольность народовъ растеть по мѣрѣ ослабленія власти нашей, а когда она дозрѣеть и все стануть свободными, наше могущество рушится“.

Но, думая такъ, короли думали безразсудно, ибо, если короли подобны Отцамъ для народовъ, то народы, какъ возрастающія дѣти, выходятъ изъ-подъ наказанія и опеки.

И все же при добротѣ Отца, дѣти, пришедшія въ возрастъ и созрѣвшія, не отрекаются отъ Отца, но чтутъ и любятъ его, пришедшаго въ старость, горячѣе, чѣмъ прежде.

Но короли захотѣли уподобиться Отцамъ дикарей, обитающимъ въ лѣсахъ, впрягающимъ дѣтей своихъ въ повозки, какъ животныхъ, продающимъ дѣтей, какъ невольниковъ, купцамъ.

И вотъ короли рѣшили: „направимъ заботы наши на то, чтобы народы застыли въ невѣдѣніи своихъ силъ, чтобы враждовали другъ съ другомъ и, благодаря враждѣ, не могли соединиться противъ насъ“.

Короли обратились къ рыцарямъ и сказали: „зачѣмъ ходить въ Святую Землю, она далеко, сражайтесь лучше одни съ другими“, а философы вслѣдъ за этимъ обращеніемъ стали доказывать, что войны за вѣру—безуміе.

Тогда короли отреклись отъ Христа и сотворили себѣ новыхъ боговъ—идоловъ, и воздвигли ихъ передъ лицомъ народовъ, приказывая имъ воздавать поклоненіе и сражаться во имя ихъ.

Такъ создали они для французовъ идола Почета ¹⁾, того самаго, который въ языческія времена назывался Золотымъ Тельцомъ.

Для испанцевъ король создалъ идола, котораго назваль

Политическимъ Превосходствомъ, или Политическимъ Вліяніемъ, или могуществомъ и властью, и это былъ идолъ тотъ самый, котораго ассиріяне чтили подъ именемъ Ваала, а филистимляне подъ именемъ Дагона, римляне—подъ именемъ Юпитера.

Англичанамъ же король провозгласилъ кумира, названнаго Морскимъ Владычествомъ и Торговлей, и то былъ идолъ, называвшійся прежде Мамоной.

Нѣмцы же сотворили себѣ кумира изъ сытаго благополучія, возродивъ того самаго идола, коему имя было Молохъ или Комъ.

И поклонялись народы своимъ кумирамъ.

И приказалъ французскій король: „подымитесь и сражайтесь для славы и Почета“.

И поднялись французы и вели войну пятьсотъ лѣтъ.

И король Англіи провозгласилъ: „вставайте и бейтесь ради Мамоны“.

И встали и бились пятьсотъ лѣтъ. И другіе народы повели войну и каждый ради своего кумира.

И уже забыли народы свое происхожденіе отъ Единаго Отца, и англичанинъ говорилъ: „мой отецъ — Корабль, а мать—вода, превращенная въ Паръ“, а французъ говорилъ: „мой отецъ—Материкъ, моя мать—Биржа“, въ то время какъ нѣмецъ называлъ отцомъ своимъ Промыселъ, а матерью—Пивную Лавку.

И люди, говорившіе, что безумно сражаться съ язычниками за вѣру, эти же самые люди сражались изъ-за лоскута бумаги, именуемаго трактатомъ; они бились за гавань, за городъ, какъ холопы, дерущіеся кольями изъ-за земли, которой владѣютъ не сами они, но ихъ господа.

И тѣ же люди, которые называли безумствомъ походы въ чужія земли на защиту ближнихъ, переплывали моря по приказу королей и сражались за факторіи, за хлопковый тюкъ и за мѣшокъ перцу. И короли продавали ихъ за деньги въ страны, лежащія за морями.

И развратились народы до предѣла: среди Нѣмцевъ, Итальянцевъ, Испанцевъ и Французовъ только одинъ нашелся человѣкъ-христіанинъ, мудрецъ и рыцарь. Родомъ онъ былъ изъ Генуи.

Онъ призывалъ всѣхъ прекратить внутреннія войны и отвоевать Гробъ Господень и Азію, ставшую пустыней, но сулившую стать страной прекрасной и многолюдной въ рукахъ христіанскихъ. Но всѣ смѣялись надъ генуэземъ и говорили: „онъ бредитъ и безумствуетъ“.

И вотъ этотъ благочестивый человѣкъ одинъ выѣхалъ на войну. Но, будучи одинокъ и бѣденъ, онъ стремился сначала найти страну, гдѣ родится золото, и тогда, достигнувъ богатства, набрать войско и отвоевать Святую Землю. Но люди назвали его помѣшавшимся.

И все же увидѣлъ Богъ чистоту желанія его и осѣнилъ его благословеніемъ; и тотъ человѣкъ открылъ Америку, ставшую страной свободы—Святою Землею. Имя ему было Христофоръ Колумбъ, то былъ послѣдній крестоносецъ въ Европѣ, и послѣдній рыцарь, поднявшій походъ во имя Божіе, а не для себя.

Тѣмъ временемъ идолопоклонство въ Европѣ возросло. И, какъ у язычниковъ, чтутъ первоначально всевозможныя доблести въ образѣ идоловъ, а потомъ разные пороки, и далѣе уже людей, животныхъ и, нако-

нець, деревья, камни и разнообразныя начертанія фигуръ, такъ произошло и въ Европѣ.

Ибо Итальянцы измыслили себѣ новаго кумира - богиню, и назвали ее Политическимъ Равновѣсіемъ. И этого идола не знали язычники древности, Итальянцы первые установили у себя его почитаніе, и, ведя войны во имя его, они ослабѣли, отупѣли и пали въ руки тиранновъ.

Тогда короли Европы, видя, что служеніе этому кумиру истощило силы итальянскаго народа, поспѣшно учредили почитаніе его въ своихъ владѣніяхъ и приказали вести войну во имя его.

А послѣ этого прусскій король начерталъ кругъ и сказалъ: „вотъ Богъ новый“. И поклонялись Кругу тому, и поклоненіе ему нарекли культомъ „Политическаго Округленія“.

На народы, сотворенные по Образу Божію, повелѣно было смотрѣть, какъ на камни и глыбы, и отесывать ихъ такъ, чтобы одинъ вѣсилъ столько же, сколько вѣситъ другой. И владѣнія, родину и народы приказано было разсматривать, какъ кружокъ монеты, которую опилятъ для округленія.

И нашлись философы, восхвалившіе все, что измыслили короли.

Изъ такихъ лжемудрыхъ священниковъ Ваала, Молоха и Равновѣсія двое прославились болѣе всѣхъ.

Первому имя было Макиавелли, что значитъ по-гречески жаждущій войны; и его ученіе привело къ длительнымъ войнамъ, подобнымъ войнамъ, бывшимъ между языческими греками.

Второй живъ еще понынѣ, имя ему Ансильонъ²⁾,

что значить по-латыни сынъ рабыни; и его учение ведетъ къ рабству такому, какимъ было оно у латынянь.

Въ послѣднее время были въ языческой Европѣ новые три короля: имя первому Фридрихъ II Прусскій, другое королевское имя _____, и третье имя Маріи-Терезіи Австрійской.

То была сатанинская троица, извращенное отраженіе Троицы Божественной, сплошная насмѣшка и издѣвательство надо всѣмъ, что есть святого.

Фридрихъ, чье имя значило миротворецъ, измышлялъ войны и разбои въ теченіе всей своей долгой жизни. И былъ онъ, какъ Сатана, вѣчно дышавшій враждою, издѣвательски назвавшійся Христомъ, Богомъ Тишины.

И этотъ Фридрихъ, въ насмѣшку надъ древнимъ рыцарскимъ уставомъ, учредилъ нечестивый Орденъ или знакъ отличія, которому далъ въ насмѣшку девизомъ *suus cuique*, что значить воздавай всякому то, что ему принадлежитъ; и этотъ знакъ носили слуги его, отнимавшіе и грабившіе чужое имущество.

Этотъ Фридрихъ, издѣваясь надъ Мудростью, написалъ книгу, которую назвалъ *Anti-Machiavel* или „противникъ макиавелліевъ“, самъ же онъ поступалъ согласно наукѣ макиавелліевой³⁾.

А _____ въ переводѣ съ греческаго значить— чистая, но была она самой распутной изъ женщинъ, бевстыдна, какъ Венера, назвавшаяся непорочною дѣвою.

И эта _____ созвала Совѣтъ для составленія новаго уложенія, что было посмѣяніемъ всякому законодательству, ибо всѣ законы ближнихъ своихъ она извратила и упразднила.

И провозгласила себя поборницей свободы совѣсти и вѣротерпимости, ибо миллионы своихъ ближнихъ она принудила насильно къ измѣнѣ ихъ Вѣрѣ.

А Марія-Терезія носила имя смиренной и непорочной Матери Спасителя, какъ бы въ насмѣшку надъ смиреніемъ и святостью.

Ибо она была демономъ гордости и вела войны, дабы отнять владѣнія, ей не принадлежація.

И была она безбожницей, ибо молитвы и исповѣды не помѣшали ей поработить миллионы ближнихъ своихъ.

Былъ у нея сынъ Іосифъ, носившій имя Патриарха и того Патриарха, который не далъ женѣ Пентефрія увлечь себя.

А братьевъ своихъ, продавшихъ его въ неволю, освободилъ отъ рабства.

Но этотъ Іосифъ австрійскій своей же матери внушилъ злое дѣло, и братьевъ Поляковъ, спасшихъ его имперію отъ турецкой неволи, онъ захватилъ въ рабство.

Три имени этихъ властителей, Фридриха, Маріи-Терезіи и Срещи были три кощунства, три жизни ихъ—три преступленія, а память о нихъ—три проклятія.

Въ тѣ времена эта троица, видя, что народы не такъ обезумѣли и развратились, какъ ей того хотѣлось, сотворила новаго кумира, гнуснѣйшаго изъ всѣхъ, и назвала его Корыстью. Этого идола еще не знали язычники древности.

И все болѣе и болѣе развращались народы, и лишь одинъ нашелся среди нихъ человекъ—гражданинъ и воинъ.

Онъ убѣждалъ прекратить борьбу ради Корысти и предпочесть защиту Свободы ближнихъ, онъ самъ пошелъ на войну, въ страну свободную, въ Америку. Имя его было Лафайетъ ⁴⁾. То былъ послѣдній изъ стародавнихъ людей Европы, онъ дышалъ еще духомъ самоотреченія, тѣмъ, что осталось еще отъ Христіанскаго духа.

Въ тѣ времена Корысти служили все народы. И сказали короли: „Если мы широко разольемъ почитаніе этого кумира, то скоро городъ будетъ биться съ городомъ и человѣкъ съ человѣкомъ, также, какъ теперь народъ бьется съ народомъ.“

И снова одичаютъ люди, и снова мы захватимъ такую власть, какою имѣли нѣкогда короли дикарей и язычниковъ, какою теперь имѣютъ цари эфиоповъ и цари канибаловъ, поѣдающіе своихъ подданныхъ“.

Только одинъ народъ Польскій не поклонился этому новому кумиру и даже въ языкѣ своемъ не нашелъ имени, чтобы окрестить почитателей его, которые имѣли французское имя и назывались эгоистами.

Народъ Польскій чтитъ Бога, зная, что чтущій Бога воздастъ честь всему, что добро.

И былъ тогда Народъ Польскій отъ начала до конца вѣренъ Богу предковъ своихъ.

Короли и рыцари его ни разу не напали ни на одинъ вѣрующій народъ, но стояли на защитѣ Христіанства отъ язычниковъ и варваровъ, несущихъ неволю.

И Польскіе короли шли на защиту христіанъ въ далекія земли: Король Владиславъ подъ Варну и Король Іоаннъ подъ Вѣну на защиту востока и запада ⁵⁾.

Но никогда короли и мужи-рыцари не захватывали

МНВ. 1933 г. 69640

насиліемъ сосѣднихъ земель, но принимали народы въ свое братство, связывая ихъ съ собою благотворящими узами Вѣры и Вольности.

И наградила ихъ Господь, ибо великій Народъ Литовскій сочетался съ Польшей, какъ мужъ съ женою, двѣ души въ единомъ тѣлѣ. И не было никогда дотолѣ подобнаго союза народовъ. Но позже будетъ.

Ибо этотъ брачный союзъ Литвы и Польши есть прообразъ союза всѣхъ Христіанскихъ народовъ во имя Вѣры и Вольности.

И далъ Господь Польскимъ королямъ и рыцарямъ Свободы называться Братьями—всѣмъ, и самымъ богатымъ, и бѣднѣйшимъ. И такой Свободы не было никогда передъ тѣмъ. Но она настанетъ потомъ.

Короли и мужи-рыцари привлекали въ братство свое все больше и больше людей, привлекали цѣлые легіоны и цѣлыя поколѣнія. И число этихъ братьевъ стало велико, какъ цѣлое Племя, и ни въ одномъ Народѣ не было столько людей свободныхъ и братьевъ нареченныхъ, какъ въ Польшѣ.

И наконецъ король и рыцарство въ день третьяго мая *) задумали всѣхъ поляковъ сдѣлать братьями, сначала горожанъ, жителей сель за ними.

И назвали братьевъ шляхтою, такъ какъ они возвысились, то-есть побратались съ Ляхами, людьми свободными и равными.

И хотѣли сдѣлать такъ, чтобы всякій христіанинъ въ Польшѣ возвысился и назывался Шляхтичемъ въ знакъ того, что онъ обязанъ обладать доблестною душою и быть всегда готовымъ умереть за свободу.

Такъ называли нѣкогда Христіаниномъ всякаго чело-
вѣка, принимающаго Евангеліе въ ознаменованіе того,
что онъ готовъ пролить кровь свою за Христа.

Тогда Шляхетству надлежало быть крещеніемъ Сво-
боды, и всякій, готовый принять смерть за Свободу,
крестился мечомъ и закономъ.

И сказала наконецъ Польша: „всякій, кто придетъ ко
мнѣ, будетъ свободнымъ и равноправнымъ, ибо я—Сво-
бода“.

Но короли, прослышавъ объ этомъ, содрогнулись въ
сердцѣ своемъ и сказали: „Мы изгнали свободу на землѣ
и вотъ она возвращается снова въ лицѣ правдолюбиваго
народа, не чтущаго кумировъ нашихъ. Пойдемъ на него
войною“. И замыслили злодѣяніе въ сердцѣ своемъ.

И пришелъ прусскій король, и цѣловалъ Народъ Поль-
скій, и привѣтствовалъ его словами: „Союзникъ мой“,
но уже продалъ его за тридцать городовъ Великополь-
скихъ, какъ Иуда продалъ Христа за тридцать сре-
бренниковъ⁷⁾.

И два другихъ властелина ринулись и связали На-
родъ Польскій, и Галль судилъ судомъ и изрекъ: „Во-
истину не нахожу вины въ народѣ этомъ, а жена моя
Франція, пугливая жена, терзается злыми снами; но все
же возьмите его и предайте пыткамъ“. И умылъ руки.

А правитель Франціи сказалъ: „Мы не можемъ выку-
пить ни кровью, ни золотомъ этого неповиннаго, ибо
кровь моя и мое золото только мнѣ и принадлежать,
кровь же и золото моего народа принадлежать народу
моему“.

Такъ изрекъ этотъ правитель послѣднюю хулу на

Христа, ибо Христосъ училъ, что кровь Сына Человѣческаго принадлежитъ всеѣмъ людямъ-братьямъ.

И когда произнесъ правитель свои слова, упали все кресты съ башенъ и храмовъ нечестивой столицы, ибо знаменіе Христово не могло уже сіять народу, поклонившемуся кумиру Корысти ⁸⁾).

Тому правителю было имя Казиміръ Перье ⁹⁾; назывался онъ славянскимъ именемъ, но фамилія его была романской. Имя его значило исканитель или разрушитель мира или тишины, а фамилія происходитъ отъ слова *regere* или *regis* и означаетъ губителя или сына погибели. И это имя, и это прозваніе есть имя антихристово, и равно будетъ проклято, какъ среди славянскаго племени, такъ и среди племенъ романскихъ.

И разорвалъ этотъ человекъ мирный союзъ народовъ, какъ тотъ іудейскій первосвященникъ, что разорвалъ одежду на себѣ, слыша голосъ Христовъ.

И былъ преданъ пыткамъ Польскій Народъ и положенъ въ гробницу. И воскликнули короли: „свобода убита нами и предана погребенію“.

Но безумно воскликнули, ибо, довершая послѣднее злодѣяніе, они переполнили мѣру нечестія своего, и кончилось могущество ихъ въ то время, когда они больше всего ликовали.

Ибо не умеръ Польскій Народъ: тѣло его лежитъ во гробѣ, и душа его покинула землю, она ушла отъ жизни общей въ страну, гдѣ ждутъ искупленія ¹⁰⁾, она вошла въ домашнюю жизнь народовъ, несущихъ иго неволи въ своемъ краю и внѣ своей страны; она ушла, чтобы видѣть ихъ страданія.

И на третій день душа вернется въ тѣло свое, и Народъ возстанетъ изъ мертвыхъ, и всѣ народы Европы выведетъ изъ неволи.

И вотъ уже два дня протекли: одинъ день кончился съ первымъ взятіемъ Варшавы, и второй день кончился со вторымъ взятіемъ Варшавы ¹¹⁾; третій день начался, но онъ не кончится.

И какъ съ воскресеніемъ Христовымъ прекратились на всей землѣ кровавыя жертвы, такъ прекратятся войны во всемъ Христіанствѣ по воскресеніи Народа Польскаго.

Faint, illegible text, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

КНИГИ ПОЛЬСКАГО ПИЛИГРИМСТВА

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

Душа Народа Польскаго—это польское пилигримство. Но каждый Полякъ въ пилигримствѣ не называется скитальцемъ, ибо скиталець—это человѣкъ, блуждающій безъ цѣли.

И изгнанникомъ онъ не зовется, ибо изгнанникъ—это человѣкъ, изгнанный повелѣніемъ законной власти, но Поляка не изгоняла его законная власть.

Полякъ въ пилигримствѣ еще не имѣетъ имени своего, но это Имя будетъ ему дано въ свое время, такъ же, какъ исповѣдующимъ Христа имя было дано впоследствии.

Но пока Полякъ назвался пилигримомъ, ибо онъ даль обѣтъ совершить паломничество въ Святую Землю, въ Свободную Отчизну, и поклялся странствовать доколѣ ея не увидитъ.

Но Польскій Народъ не имѣетъ естества божественности Христовой, и вотъ, странствуя въ странѣ искупленія, душа его можетъ заблудиться, и въ заблужденіи замедлитъ возвратъ свой въ тѣло и замедлитъ воскресеніе.

Поэтому будемъ читать со вниманіемъ Евангеліе Христово.

И тѣ наставленія и притчи, которыя одинъ христіанскій пилигримъ собралъ изъ сказаній и писаній Христіанъ-Поляковъ, мучениковъ и пилигримовъ.

I.

Плыли моремъ большіе военные корабли и малая рыбацья лодка. Было бурное осеннее время, и въ такую погоду, чѣмъ больше корабль, тѣмъ меньше грозитъ ему опасность, а для малыхъ судовъ опасность наибольшая.

И вотъ люди на берегу говорили: „теперь благодать морякамъ на большихъ корабляхъ, но бѣда тѣмъ, что плаваютъ въ рыбацье лодкѣ въ осеннее время“.

Но съ берега не видѣли люди, что на большихъ корабляхъ матросы напились пьяны и подняли бунтъ, и поломали снаряженіе кормчаго для наблюденія звѣздъ и магнитную иглу. Но корабли все такъ же казались величавы съ виду, какъ и прежде.

Но, не видя звѣздъ на небѣ и утративъ магнитную стрѣлку, потеряли путь корабли-гиганты и погибли.

А рыбацья лодка, видя небо и стрѣлку, не затерялась и достигла берега. И хотя разбилась она у берега, но все люди спаслись и спасли все свое снаряженіе и магнитную иглу. А корабль они найдутъ себѣ снова.

И ясно стало, что громадность и сила большихъ кораблей хороши, но безъ звѣзды и компаса—ничто.

Звѣзда пилигримства есть небесная вѣра, а магнитная игла—любовь къ Отчизнѣ.

Звѣзда свѣтитъ для всѣхъ, и игла всегда направляетъ на сѣверъ. Но все же съ этой стрѣлкой можно странствовать и на востокъ, и на западъ, а безъ нея и на сѣверномъ морѣ ждетъ блужданіе и гибель.

Вотъ почему съ вѣрою и любовью спасется пилигримская ладья поляковъ, но безъ вѣры и любви народы воинственные и полные мощи собьются съ пути и погибнуть. А тотъ изъ нихъ, кто спасется, новаго корабля не добудетъ.

II.

Почему народу вашему дарована въ наслѣдіе грядущая свобода міра?

Знайте, что человѣкъ, имѣющій много родныхъ, не завѣщаетъ наслѣдства тому изъ нихъ, кто сильнѣе всѣхъ, ни тому, кто всѣхъ предприимчивѣе, и не тому, кто хорошо ѣсть и сладко пьетъ.

Но тому, кто любитъ самого его больше всѣхъ и кто остается около него въ то время, когда другіе бѣгутъ, стремясь къ очагу, наживѣ или забавамъ.

Вотъ и народу вашему потому завѣщано наслѣдіе свободы.

Почему народу вашему дарована власть возстанія изъ мертвыхъ?

Не потому, что вашъ народъ обладалъ могуществомъ, ибо Римляне были могущественнѣе, и вотъ, умерли, но не воскресаютъ.

И не потому, что ваша республика была древней и прославленной; ибо Венеція и Генуя были славнѣе и древнѣе, и угасли, но не воскресаютъ.

И не потому, что вашъ народъ былъ просвѣщеннымъ и ученымъ, ибо Греція, мать мудрецовъ, умерла и лежала въ гробницѣ, покуда не позабыла о всѣхъ наукахъ;

и лишь тогда стала шевелиться, когда достигла простоты сердца.

И королевства Вестфальское, Итальянское и Голландское были просвѣщенными; вы видѣли, что они родились и умерли, но не воскресаютъ ¹²).

Вы же будете разбужены изъ гроба, ибо вы вѣрующіи, любящіи и надежду имущіи.

Вы знаете, что первый умершій, котораго Христосъ воззвалъ изъ гроба, былъ Лазарь.

И Христосъ не поднялъ изъ гроба ни полководца, ни философа, ни торговца, но Лазаря.

И Писаніе повѣствуетъ, что Христосъ любилъ его, и то былъ одинъ только человекъ, надъ которымъ плакалъ Христосъ. Но кто же нынѣ Лазарь среди народовъ?

III.

О Пилигримъ Польскій, ты былъ богатъ, и вотъ несешь бремя нищеты, чтобы познать нищету и чтобы, вернувшись въ свою страну, ты сказалъ: „бѣдняки и несчастливцы—вотъ мои сонаслѣдники“.

О Пилигримъ, ты издавалъ законы, и на корону имѣлъ право, и вотъ, на чужой землѣ ты лишенъ покровительства закона, чтобы узнать беззаконіе, и чтобы, вернувшись въ страну родную, ты сказалъ: „чужеземцы будутъ законодательствовать наравнѣ со мною“.

О Пилигримъ, ты былъ полонъ знаній и вотъ, науки, которыя ты почиталъ, оказались ненужными тебѣ, и теперь ты позналъ цѣну тѣмъ, которыми пренебрегалъ доселѣ, позналъ мудрость міра сего и скажешь, вернувшись въ страну свою: „люди простые умомъ будутъ учиться со мною“.

IV.

Не ищите покровительства князей, правителей и мудрецовъ чужеземныхъ. Безумень тотъ, кто въ грозное время, когда летятъ громовыя тучи, ищетъ убѣжища подъ высокими дубами или пускается на великія воды.

Князья и правители вѣка сего подобны высокимъ дубамъ, а мудрость нашего времени подобна водамъ великимъ.

Не думайте, что власть дурна сама по себѣ и чтобы знаніе было дурно, но людьми искажены и власть и наука.

Ибо для Христа высотою власти былъ крестъ, на которомъ праведникъ далъ распять себя и принялъ муку за благо другихъ.

Для того и миропомазуются цари, чтобы сошла на нихъ благодать, дающая силу самопожертвованія. И намѣстникъ Христовъ именовался Слугою слугъ.

И знанію, по Христову ученію, надлежало быть словомъ Божиимъ и хлѣбомъ, источникомъ жизни. Христосъ воввѣстилъ: не хлѣбомъ однимъ будетъ живъ человекъ, но и Словомъ Божиимъ.

Доколѣ было такъ, почиталась власть и наука. Но со временемъ люди низкіе стали тѣсниться къ власти, какъ къ теплой постели, чтобы спать въ ней, и мѣста пра-

вительственные цѣнили, какъ цѣнять корчму при дорогѣ, по ея доходности.

И люди науки стали раздавать ядь вмѣсто хлѣба, и голосъ ихъ сталъ подобенъ шуму пустыхъ жернововъ, въ которыхъ нѣтъ уже зерна вѣры, и вотъ жернова шумять, но никто отъ нихъ не кормится.

Вы же сдѣлались камнемъ пробнымъ князей и мудрецовъ міра сего, ибо въ пилигримствѣ вашемъ развѣ не больше помогали вамъ нищіе, нежели князья; а въ вашихъ битвахъ, заточеніи и бѣдности развѣ не больше питала васъ Молитва Господня, нежели мудрость Вольтера и Гегеля, подобная яду, или наука Гизо и Кузена, шумящая, какъ пустые жернова.

И потому заслужили презрѣніе власть и мудрость, что теперъ человѣка низкаго называютъ въ Европѣ министромъ, или стоящимъ у власти, а глупца зовутъ носителемъ ученія, или мудрецомъ.

Тоже было и во времена пришествія Христова: римскій откупщикъ, то-есть человѣкъ, стоящій у власти, значилъ то же, что злодѣй, а проконсулъ или правитель значилъ то же, что насильникъ; фарисей, или законникъ еврейскій, значилъ то же, что лукавецъ, а софистъ, или греческій ученый, значилъ то же, что обманщикъ. И это значеніе удержалось за ними и понынѣ.

И со времени вашего пришествія такое значеніе утвердилось въ христіанствѣ за словомъ король, за словомъ лордъ, за словомъ пэръ, за словомъ министръ и за словомъ профессоръ.

Но вы призваны возстановить въ почетѣ власть и знаніе въ вашей странѣ и во всемъ христіанствѣ.

Ибо старшіе среди васъ не тѣ, что спятъ спокойно на своемъ посту и обогащаются своею должностію.

Но тѣ, кто всѣхъ болѣе озабоченъ и всѣхъ менѣе спитъ, кто горше васъ осмѣянь и оклеветанъ, кто оставилъ свои богатства и большія имѣнія, кто, впадая въ руки враговъ, переноситъ муки ббльшія, нежели вы.

Въ иныхъ краяхъ при вторженіи непріятели, когда мѣняется образъ правленія, народъ бѣдствуетъ и гибнетъ, но должностныя лица остаются у власти и ученые попрежнему разсуждаютъ, и всѣмъ одинаково служатъ и отъ всѣхъ одинаково получаютъ плату.

А изъ васъ, вы знаете сами: лучшіе ваши сенаторы, ваши выборные и ваши вожди названы Царемъ виновнѣйшими; но эти виновнѣйшіе достойны наибольшаго почета, а замученные имъ будутъ святыми.

Мудрецы среди васъ не тѣ, что обогатились, торгуя своею наукой, накупили себѣ домовъ и имѣній и снискали у королей милости и щедроты.

Но тѣ, что возвѣстили вамъ слово свободы и терпѣли заточеніе и побои; тѣ же, кто смертію запечатлѣлъ свое знаніе, будутъ святыми.

Поистинѣ скажу вамъ, что вся Европа отъ васъ должна научиться, кого называть мудрымъ. Ибо теперь въ Европѣ власть стала поруганіемъ и наука превратилась въ безуміе.

Если кто-либо изъ васъ спроситъ: „какъ можемъ мы, безоружные пилигримы, измѣнить строй великихъ и могучихъ царствъ?“

То пусть вопрошающій вспомнить, что римское цар-

ство было огромно, какъ міръ, и Римскій Императоръ былъ могущественъ, какъ все короли вмѣстѣ.

И вотъ Христосъ послалъ на него двѣнадцать только простецовъ; но, имѣя въ себѣ Духа Святого, духа самоотреченія, они побѣдили Императора.

А если иной изъ васъ спросить: „какъ можемъ мы, простые солдаты, неученые люди, переспорить мудрецовъ въ странахъ просвѣщеннѣйшихъ, въ странахъ самыхъ цивилизованныхъ?“

То говорящій такъ пусть вспомнить, что аѳинскіе мудрецы слыли просвѣщеннѣйшими и самыми цивилизованными, но были побѣждены словомъ апостоловъ; ибо когда апостолы стали учить во Имя Божіе и во имя Свободы, то народъ оставилъ мудрецовъ и пошелъ за апостолами.

V.

Не разъ говорятъ вамъ, что вы живете среди народовъ цивилизованныхъ, и что отъ нихъ вы должны заимствовать ихъ цивилизованность; но знайте, что говорящіе вамъ о цивилизаціи сами не знаютъ, что говорятъ.

Слово цивилизація значило гражданство и идетъ оно отъ латинскаго слова *civis*—гражданинъ. Гражданиномъ же звали человѣка, который жертвовалъ собою ради своей Отчизны, какъ Сцевола, Курцій и Децій¹³⁾, и такое самопожертвованіе звалось Гражданственностью. То была языческая добродѣтель, менѣе совершенная, нежели добродѣтель Христіанская, указующая посвященіе себя не только служенію отчизнѣ своей, но всѣмъ людямъ, все же была она добродѣтелью.

Но потомъ, въ идолопоклонскомъ смѣшеніи языковъ стали звать цивилизаціей модныя и изысканныя одежды, тонкія блюда, удобныя гостиницы, красивые театры и гладкія широкія дороги.

Воистину, не только христіанинъ, но римлянинъ язычникъ, вставъ изъ гроба и взглянувъ на людей, называемыхъ теперь цивилизованными, воспламенился бы гнѣвомъ и спросилъ бы, по какому праву осмѣливаются присваивать себѣ титулъ, происходящій отъ имени *civis*, что значитъ гражданинъ.

Не удивляйтесь съ такой силой народамъ, утопающимъ въ благоденствіи, благодаря бережливости и доброму укладу жизни.

Ибо, если благоденствующій народъ, имѣющій вдовольство и пищу, достоинъ уваженія, то почитайте въ своей средѣ людей самыхъ тучныхъ и дородныхъ. Вотъ и звѣри имѣютъ эти свойства, но для человѣка этого недостаточно.

И если народы наиболѣе домовитые должны почитаться совершеннѣйшими, то вѣдь муравьи всѣхъ превосходятъ домовитостью, но для человѣка этого недостаточно.

Если же народы благоустроенные должны почитаться за совершенство, тогда кто же имѣетъ устройство лучшее, нежели пчелы; но для человѣка этого недостаточно.

Ибо цивилизація, истинно достойная человѣка, должна быть христіанской.

Нѣкій помѣщикъ имѣлъ сыновей и растилъ ихъ въ благочестіи и добродѣтели въ домѣ своемъ, а потомъ послалъ въ большую школу старшихъ, какъ только вышли они изъ дѣтскаго возраста.

Эти старшіе, исполненные добра и прилежанія, учились хорошо и заслужили общее уваженіе; все имъ удавалось, и въ наукахъ они преуспѣли.

И видя, что все имъ удается, они возгордились мыслями и сказали: „люди по заслугамъ насъ уважаютъ, ибо мы умнѣе многихъ иныхъ, и надо, чтобы мы жили богаче и одѣвались лучше другихъ, надо, чтобы мы узнали свѣтъ“.

Но, такъ какъ отецъ недостаточно присылалъ имъ

денегъ, ибо давалъ только въ мѣру потребностей, но не въ мѣру избытка, то они перестали сноситься съ отцомъ и порвали съ нимъ; сами стали заботиться о добываніи средствъ, сначала хорошимъ путемъ, потомъ дѣлая долги въ счетъ наслѣдства. И нашли они ростовщика, который снабжалъ ихъ щедро, предвидя ихъ разореніе. Потомъ, утративъ покой и тоскуя, они задумали найти утѣшеніе въ винѣ и разгулѣ, говоря себѣ: „отецъ предрекалъ намъ дурныя послѣдствія пьянства и разгула, но теперь у насъ есть свой разумъ, мы испытаемъ наслажденіе виномъ и сладострастіемъ въ мѣру, какъ подобаеть людямъ разсудка“.

Но скоро они утратили мѣру, и предались пьянству и разврату, а для того, чтобы добыть денегъ, пустились на плутни. А между тѣмъ ростовщикъ, уже имѣя право на все ихъ наслѣдство, добился приговора суда, и ничего не давалъ имъ.

И впали они въ нужду, отецъ же, узнавъ обо всемъ, лишилъ ихъ наслѣдства. Отдали ихъ ростовщику отработывать долгъ, и въ тяжелой работѣ они вспомнили предостереженія отца и сказали въ сердцѣ своемъ: „худо, что мы его не послушали“. Но въ своей надменности не хотѣли писать отцу, плакавшему о нихъ.

Они, не стыдившіеся цѣлаго свѣта, стыдились безпутниковъ, работавшихъ съ ними въ тюрьмѣ, и боялись, чтобы эти безпутники не подумали, что у нихъ слабое сердце, что они плачутъ и просятъ прощенія у отца. Такъ они умерли.

И видя это, говорили сосѣди: „вотъ эти молодцы были хороши, пока сидѣли дома, а какъ поучились въ

школъ—испортились; должно быть правда, что наука недоброе дѣло. Будемъ растить дѣтей въ невѣжествѣ“.

Но отецъ былъ человѣкомъ мудрымъ, онъ не палъ духомъ и младшихъ сыновей также послалъ въ школу, но указалъ имъ не позабыть примѣра братьевъ старшихъ.

И младшіе никогда не забывали поученія отца, такъ же, какъ и старшіе преуспѣли въ наукахъ, но навсегда сохранили добродѣтель и уваженіе къ себѣ, они показали, что наука доброе дѣло, но что необходимо всегда повиноваться отцу.

Такимъ отцомъ былъ Храмъ Христіанства, старшими дѣтьми были Французы, Англичане и Нѣмцы; деньгами были благополучіе и слава мірская, и ростовщикомъ былъ дьяволъ; младшими же братьями были Поляки, Ирландцы, Бельгійцы и другіе вѣрующіе народы.

VI.

На какихъ людей Отчизна ваша возлагала величайшія свои надежды, и возлагаетъ ли понынѣ?

Не на людей, одѣвавшихся всѣхъ красивѣе и танцевавшихъ, имѣвшихъ лучшее хозяйство, ибо большинство этихъ людей не любили Отчизны.

И не на людей, воевавшихъ когда-то, умѣвшихъ красиво маршировать, разсуждать о войнѣ и писать военныя книжки, ибо большая часть этихъ людей не вѣрила въ дѣло Отчизны.

Но на людей, которыхъ вы назвали добрыми поляками, полныхъ чуткости, также какъ на честныхъ солдатъ, также какъ на юношество.

Такъ вотъ и міръ — подобенъ Отчизнѣ, и народы — что люди. Міръ возлагаетъ надежды на вѣрующіе народы, которые полны любовью и надеждой.

Воистину говорю вамъ, не вамъ учиться у чужеземцевъ ихъ цивилизаціи, но вы должны научить ихъ цивилизаціи истинно христіанской.

Хорошо научиться ремесламъ, искусствамъ и наукамъ; не только у европейцевъ, но и у турокъ, и у дикарей можно узнать много полезныхъ вещей. Такъ учитесь же, чтобы жить своимъ трудомъ, какъ жили апостолы; они

были плотниками, ткачами и бондарями, но никогда не забывали, что они апостолы, призванные научить вещамъ болѣе важнымъ, нежели всѣ ремесла, искусства и науки.

Не препирайтесь съ чужеземцами въ спорахъ и разсужденіяхъ, знайте, что они болтливы и крикливы, какъ ребята въ школѣ. И ученѣйшій учитель не переспорить наглаго и болтливаго мальчишки.

Скорѣе учите ихъ примѣромъ вашимъ, а на разсужденія ихъ отвѣчайте притчами Евангелія Христова, притчами книгъ пилигримства.

VII.

Христосъ сказалъ: „Кто идетъ за Мною, пусть оставитъ отца своего и мать свою и отрѣшится отъ своей души“.

И Пилигримъ Польскій сказалъ: „Кто идетъ за Свободой, пусть оставитъ Отчизну, и отрѣшится отъ своей жизни“.

Ибо тотъ, кто остается въ Отчизнѣ и сносить рабство, чтобы сохранить жизнь, утратитъ и жизнь и Отчизну, а тотъ, кто отрѣшится Отчизны, чтобы защищать Свободу съ опасностью для жизни своей, тотъ спасетъ Отчизну и найдетъ вѣчную жизнь.

Въ давнія времена, когда былъ построенъ первый городъ на землѣ, случилось, что въ томъ городѣ возникъ пожаръ.

Иные проснулись, взглянули въ окно и, видя, что огонь очень далеко, снова легли и уснули.

Другіе же, видя огонь ближе, стали въ дверяхъ и сказали: „будемъ гасить, когда огонь дойдетъ до насъ“.

Но огонь разросся страшно и поглотилъ дома тѣхъ, что стояли у дверей; а спавшихъ поглотилъ съ домами ихъ.

Но нашлись честные люди; видя огонь, они выбѣжали изъ домовъ своихъ и спасали ближнихъ сосѣдей, но такъ какъ мало было честныхъ, то спасти не могли.

Когда городъ сгорѣлъ, эти честные люди съ сосѣдями отстроили его, и помогали имъ окрестные жители, и городъ сталъ больше и красивѣе прежняго.

Но тѣхъ, что не были у огня и лишь у дверей своихъ стояли, тѣхъ изгнали изъ города. И умерли они голодною смертию.

А въ городѣ установили закономъ, что во время пожара всѣ должны бѣжать къ огню съ водою, лѣстницами, съ баграми, или должны назначаться отдѣльно люди, обязанные быть на стражѣ и гасить ночные пожары.

Съ этого времени установился такой порядокъ по городамъ и люди спали спокойно.

Тотъ городъ—Европа, огонь—это врагъ ея, деспотизмъ. Люди спящіе — это Нѣмцы, стоящіе въ дверяхъ — Французы и Англичане, а люди совѣсти — это Поляки.

VIII.

Съ давнихъ временъ были въ Англїи помѣщики, владѣльцы огромныхъ стадъ быковъ и овецъ.

Волки часто нападали на пастбища ихъ и наносили ущербъ.

И взялись они за оружіе, собрали собакъ, охотились и били звѣря; но, прогнанный въ одной сторонѣ, звѣрь возвращался съ другой, а на мѣсто одного убитого волка появлялись десять новыхъ. Помѣщики бѣднѣли, въ непрерывной охотѣ содержатъ много собакъ и тратясь на оружіе, но стада ихъ гибли.

Другіе помѣщики, болѣе разсудительные, говорили: „пойдемъ искать звѣря далѣе въ лѣсъ и уничтожимъ его въ самомъ логовищѣ“. Но волки набѣжали снова изъ другихъ лѣсовъ, эти помѣщики также обнищали и потеряли стада свои.

И обнищавъ пошли къ сосѣдямъ своимъ и порѣшили: „соберемъ всѣмъ народомъ, будемъ полевать звѣря цѣлый годъ, покуда не истребимъ волковъ на всемъ островѣ, ибо Англїя островъ“.

И пошли, и полевали, покуда не истребили всѣхъ до единого, а потомъ сложили оружіе, распустили псарни; и пасутся ихъ овцы безъ сторожа съ того времени и понынѣ.

IX.

Былъ въ Италиі край обильный маслиной и рисомъ, но нездоровый потому, что каждое лѣто вѣяло на него повѣтріе, называемое маляріей, приносящее смертельную лихорадку.

Жители того края, одни окуривали дома свои, расходуя немало на каженіе, другіе воздвигали стѣны съ западной стороны, откуда приходила смерть, а иные уѣзжали въ нездоровую пору; однако все умерли и край опустѣлъ. По оливковымъ рощамъ и рисовымъ полямъ забродилъ кабанъ.

Малярія перешла въ другой край, и снова стали люди окуривать дома и уходить, пока наконецъ нашелся тамъ человекъ благоразумный, и сказалъ имъ:

„Злое повѣтріе возникаетъ далеко отъ васъ въ болотахъ, лежащихъ за пятьдесятъ миль отсюда, и вотъ, пойдите и осушите болото, спуская воду, а если сами вы умрете отъ заразы, останутся дѣти ваши, наследуя вамъ, а страна благословить имена ваши“.

Но люди эти лѣнились идти такъ далеко и боялись смерти, и все же вскорѣ умерли въ постеляхъ своихъ. Зараза шла все далѣе и далѣе, и охватила уже десять областей.

Ибо къ тому, кто не выйдетъ изъ дома своего, чтобы
доискаться зла и стереть его съ лица земли, зло само
прійдетъ и станетъ передъ лицомъ его.

Х.

Памятуйте, что вы живете среди чужеземныхъ народовъ, какъ стадо среди волковъ, какъ лагерь во вражеской странѣ, и да будетъ межъ вами согласіе.

Нарушители согласія подобны баранамъ, что уходятъ отъ стада не чуя волка, либо солдатамъ, которые отлучаются изъ лагеря, не замѣчая врага; а если бы видѣли и чуяли, то были бы въ сборѣ.

А врагъ вашъ—не только сатанинская троица, но всѣ творящіе и проповѣдывающіе во имя троицы этой; а число такихъ велико среди чужестранныхъ народовъ, почитателей Силы, Равновѣсія, Округленія и Корысти.

Не всѣ вы равно хороши, но худшій изъ васъ лучше добраго иностранца, ибо въ каждомъ изъ васъ есть духъ самоотреченія.

А если иные изъ васъ разнятся отъ всѣхъ, то потому только, что одѣлись въ иноземное платье: одни надѣли красныя французскія шапки, другіе англійскій горностаи, а третьи нѣмецкіе плащи и береты. А дѣтей переодѣтыхъ часто не узнаетъ родная мать.

Но лишь только нарядятся всѣ въ польскія чамары ¹⁴⁾,

всѣ узнаютъ другъ друга, сядутъ на колѣняхъ матери, и она всѣхъ одинаково обласкаетъ.

Не ищите безпрерывно грѣховъ и заблужденій въ прошедшемъ. Знайте, что и священникъ на исповѣди запрещаетъ задумываться о прошлыхъ грѣхахъ, а тѣмъ болѣе говорить съ другими, ибо эти мысли и разговоры наводятъ на грѣхъ. Не кричите „вотъ человѣкъ, имѣющій на себѣ пятно, я долженъ ему указать его; вотъ человѣкъ, совершившій такой-то и такой-то проступокъ“. Знайте навѣрное, что найдутся люди, обязанностью коихъ будетъ выгребаніе этой грязи; найдутся судьи для суда и палачъ для казни.

Когда вы входите въ городъ, не метете же вы мостовыя, видя соръ; а встрѣчая пойманнаго вора, вѣдь не спѣшите вы тащить его на висѣлицу. Найдутся иные люди на такія дѣла.

И въ такихъ людяхъ никогда недостатка не будетъ, ибо, когда нехватило недавно палача въ одномъ французскомъ городѣ, тогда сразу объявились триста шестьдесятъ шесть кандидатовъ ¹⁵).

Если вы повторяете, говоря о прошедшемъ: „вотъ въ этомъ сраженіи допущена такая-то ошибка, а въ томъ сраженіи такое-то упущеніе, а въ томъ походѣ такая-то погрѣшность, это правильно, но не думайте, что вы очень разумны, ибо легко видѣть недостатки, но трудно усмотрѣть достоинства.

Если на картинѣ есть черное пятно, или щель, всякій глупецъ замѣтитъ ихъ, но достоинства картины доступны только знатоку.

Люди хорошіе всегда судятъ, начиная съ хорошей стороны.

Готовясь къ будущему, слѣдуетъ возвращаться мыслями къ прошедшему, но лишь постольку, поскольку человекъ, готовящійся перескочить ровъ, отходить назадъ для разбѣга.

XI.

Среди чужеземцевъ, вы какъ потерпѣвшіе крушеніе на чужомъ берегу.

Однажды нѣкій корабль потерпѣлъ крушеніе, и часть людей выплыла на чуждый берегъ.

Среди спасшихся были солдаты, моряки - матросы, ремесленники и ученые, писавшіе книги.

Все жаловались на судьбу, и, желая возвратиться въ отчизну, все сошлись на совѣтъ.

Населеніе того побережья не дало имъ ни корабля, ни лодки, и по скупости не хотѣло снабдить ихъ лѣсомъ безъ платы.

Тогда, пойдя въ лѣсъ, они стали присматривать деревья и обсуждать, сколько понадобится лѣсу и какой корабль предстоитъ строить, прежняго или новаго вида: построить ли фрегатъ, бригъ или шхуну.

Тѣмъ временемъ жители побережья сбѣжались на шумъ спора и прогнали изъ лѣсу потерпѣвшихъ крушеніе.

И вотъ возроптали они и сошлись на совѣтъ.

Одни говорили, что кормчій виновникъ крушенія, и искали убить его, но онъ уже былъ на днѣ моря, иные же обвиняли матросовъ, но такъ какъ моряковъ было немного, а убивъ ихъ, они лишились бы возможности

начать плаваніе, то они только обрушились на нихъ бранью и издѣвательствомъ.

Одни доказывали, что крушеніе произошло отъ сѣвернаго вѣтра; другіе ссылались на вѣтеръ съ запада, а иные причиной указывали подводную скалу. Началась среди нихъ великая ссора и длилась весь годъ, но такъ ничего они и не порѣшили.

И сказали они: „разойдемся и будемъ искать средствъ къ жизни“. И вотъ плотники пошли строить дома, каменщики—воздвигать стѣны, ученые—писать книги для иностранцевъ, каждый сообразно своему дѣлу.

И случилось такъ, что всѣ тосковали объ отчизнѣ, но одни не умѣли строить по указаніямъ чужеземныхъ строителей, другіе не умѣли писать на чужомъ языкѣ.

И снова, жалуясь на судьбу, они сошлись на совѣтъ.

И нашелся среди нихъ простой человѣкъ, который молчалъ до той поры, ибо былъ тихъ, и сказалъ имъ:

„Работая и живя, вы забываете, что мы должны возвратиться въ отчизну, и что мы не можемъ возвратиться иначе, какъ моремъ на кораблѣ.

Такъ пусть всякій изъ васъ строить дома, кладетъ стѣны и пишетъ книги, но въ то же время пусть каждый покупаетъ топоръ и изучаетъ мореплаваніе.

А тѣ среди насъ, кто знаетъ морское дѣло, пусть развѣдываютъ море, берега и наблюдаютъ вѣтры этой страны.

А когда изготовимся, пойдемъ въ лѣсъ и построимъ корабль, быстро, не успѣютъ оглянуться жители побережья. А если они захотятъ воспрепятствовать намъ, то съ топорами мы стоимъ за себя“. И вотъ сказали они: „выберемъ кормчаго“.

Одни хотѣли стараго, другіе молодого; каменщики хотѣли своего ¹⁶). И длился этотъ споръ полгода, но не привелъ ни къ какому рѣшенію.

Тогда сказали имъ этотъ протестъ: „сначала назначьте плотника, который быстро построилъ бы вамъ корабль, но стройте теперь корабль прежняго образца, такъ какъ у насъ нѣтъ времени испытывать новый.

А когда мы взойдемъ на корабль и отправимся въ путь, тогда соберемъ моряковъ нашихъ и прикажемъ имъ выбрать изъ своей среды кормчаго.

Моряки, равно какъ и мы, не хотятъ утонуть, и выборъ ихъ будетъ хорошъ.

А если и тогда возникнетъ межъ нами ссора, она кончится легко, ибо сильные свяжутъ слабѣйшихъ или бросятъ въ море. А пока мы живемъ здѣсь, на побережьи, споръ никогда не кончится, ибо намъ нельзя ни вязать другихъ, ни предавать смерти“.

Сдѣлали они такъ, какъ онъ совѣтовалъ, и счастливо отправились въ путь.

ХП.

Въ вашихъ совѣтахъ и на совѣщаніяхъ не слѣдуйте идолопоклонникамъ.

Ибо иные изъ васъ начинали собранія, заговоры и замыслы, требующіе согласія и мудрости, съ обѣдовъ и ужиновъ, съ ѣды и питья.

А кто же когда видѣлъ, чтобы сытое чрево давало мудрость и пьяная голова согласіе, чтобы отъ мяса и вина воскресла Отчизна.

И потому такіе заговоры и замыслы не удаются, ибо каково начало, таковъ и конецъ.

И врачи знаютъ, что дѣти, зачатыя отцомъ пресыщеннымъ и упившимся, бываютъ глупы и недолго живутъ.

Потому начинайте сговоры и совѣщанія ваши по обычаю предковъ, пойдя къ обѣднѣ и приобщившись; и то, что вы тогда предпримете, будетъ мудро.

Никогда не видано было, чтобы люди были въ раздорѣ въ день, когда они благоговѣнно шли къ Причастію, и чтобы въ этотъ день были боязливы.

Идя въ собраніе или на совѣтъ, смиритесь, взглянувъ на себя, ибо безъ смиренія не будетъ согласія.

Вѣдь и не говорится людямъ: подымитесь до согласія, но склонитесь къ согласію.

Кто хочет связать вершины деревъ, долженъ ихъ наклонить; склоните же разсудокъ вашъ, и тогда соединитесь.

Въ торжествахъ вашихъ не подражайте язычникамъ. Ибо идолопоклонники, среди которыхъ вы живете, проводятъ свои праздники всегда на одинъ ладъ: и печальные, и радостные въ ѣдѣ и питьѣ: ихъ жертвенникъ—столь, и божество ихъ—чрево.

Вы же, напротивъ, проводите праздники ваши, праздникъ Повстанія, память Грохова и память Вавра ¹⁷⁾ по обычаю предковъ вашихъ: утромъ идя въ Храмъ и день проводя въ постѣ.

А деньги, сбереженные отъ стола вашего въ тотъ день, отдайте старѣйшинамъ вашимъ, чтобы питать вашу мать Отчизну.

И такого празднованія не запретить никакая власть; для такого праздника вамъ нѣтъ нужды ни снимать большого дома, ни собираться въ толпы на площадяхъ.

Не подражайте идолопоклонникамъ въ одеждѣ вашей.

Ибо идолопоклонники, среди которыхъ вы живете, хотятъ внушить уваженіе къ званію не посвященіемъ, но одеждой, и нацѣпляютъ на себя порфиры, горностай, орденскіе знаки, словно развратницы, которыя бѣлятся, румянятся и щеголяютъ нарядами, и чѣмъ онѣ отвратительнѣй, тѣмъ больше разряжены.

Носите же чамары повстанцевъ, вы, старые и молодые, ибо всѣ вы воины возставшей Отчизны. Вѣдь чамарой называется по-польски нарядъ, надѣваемый на умирающаго.

И многіе изъ васъ умрутъ въ повстанскомъ нарядѣ. И пусть всѣ будутъ готовы къ смерти.

Кто же не узнаетъ въ повстанской чамарѣ Мужа, побѣждавшаго подъ Вавромъ, и Мужа, что побѣждалъ подъ Сточекомъ, и Мужа, который вывелъ войско изъ Литвы, и Мужа, который командовалъ Волынскимъ полкомъ; и Мужа, сказавшаго въ первые дни возстанія: „юноши, дѣлайте, что задумали, идите и бейтесь“, и тѣхъ юношей, что первыми погнали тирановъ; и Мужа, который первымъ крикнулъ ? Имена ихъ извѣстны міру ¹⁸).

Но кому извѣстны имена короля неаполитанскаго и сардинскаго, хотя они и носятъ порфиру. Кому извѣстны имена сыновей королевскихъ въ другихъ странахъ, имена маршаловъ и военачальниковъ, носящихъ жезлы и орденскія ленты. Никто не знаетъ о нихъ.

Иные извѣстны только потому, что они отмѣтились великимъ злодѣйствомъ и глупостью; какъ въ городкѣ знаютъ имя извѣстнаго разбойника, прославленнаго лиходѣя, или славнаго фокусника, или безумнаго, который влачится по улицамъ и смѣшитъ народъ.

И такова слава _____, царька Дона-Мигуэля, и царька въ Моденѣ, и многихъ королей и министровъ, которые вамъ извѣстны.

И вотъ, одѣвайтесь въ повстанскія чамары. А тотъ, кто имѣетъ охоту купить иной нарядъ, болѣе цѣнный, и у кого хватитъ на это денегъ, пусть такъ поступитъ: если одежда стоитъ десять червонцевъ, пусть, купивъ одежду, отложить еще десять на одѣяніе Отчизны. Дѣлайте то же, и съ пищей и жилищемъ, которыя должны быть, какъ у солдатъ, а все, что стоитъ дороже солдатскаго, обложите добровольнымъ налогомъ ¹⁹).

Въ то же время не смотрите на то, какъ ѣдятъ, одѣваются и живутъ другіе, смотрите только на себя, ибо этотъ совѣтъ написанъ вамъ не для того, чтобы, на него ссылаясь, вы другихъ осуждали, но чтобы судили только о себѣ.

Будьте кротки со всеми и суровы къ себѣ, ибо тѣмъ судомъ, какимъ судите другихъ, вы сами будете судимы.

Вслушайтесь, вотъ еще одна тайна:

Тотъ, кто судить слишкомъ сурово своего ближняго за заблужденіе, за трусость, за нерадивость, за нестойкость, тотъ неизбѣжно самъ впадетъ въ заблужденіе, и за то же будетъ судимъ другими.

Вотъ тайна, которую истинный Полякъ, полный благочестія, открылъ и вамъ возвѣщаетъ.

На труса никто сильнѣе не возстаетъ, нежели трусь, на вора—воръ, и надъ безумнымъ никто громче безумнаго не смѣется.

Человѣкъ мудрый и безтрепетный снисходителенъ въ своихъ словахъ, но если онъ избирается вождемъ и Судьею, и народъ даетъ ему мечъ въ руки, онъ становится суровымъ, и судить, и караетъ сообразно совѣсти, потому что устами его говорить весь народъ, и рука народа казнить мечомъ его.

Но человѣкъ пустой строгъ на словахъ, пока остается простымъ человѣкомъ, а когда станетъ Старѣйшиной народа и Судьею, тогда обнаружится никчемность его, ибо онъ трусливъ, и склоненъ къ поблажкамъ, и судить не волею народнаго сердца, но пріязнью или непріязнью своихъ людей.

Если о комъ-нибудь скажешь напрасно: вотъ измѣн-

никъ, или скажешь несправедливо: вотъ шпионъ, то будь увѣренъ, что о тебѣ то же самое говорятъ иные въ то же самое время.

Не чуждайтесь другъ друга, говоря: „я прежней службы, ты новой службы; я былъ подъ Гроховымъ и Остроленкой ²⁰⁾, а ты подъ Остроленкой только; я былъ солдатомъ, а ты повстанцемъ; я Литвинъ, а ты Мазуръ“ ²¹⁾.

Кто такъ говоритъ, пусть прочтетъ въ Евангеліи о поденщикахъ, пришедшихъ въ виноградникъ: призванные, одни утромъ, другіе въ полдень, а третьи вечеромъ, всѣ получили равную плату. Но пришедшіе раньше стали завидовать. И сказалъ хозяинъ: „завистники, что вамъ до того, развѣ не получили вы ту же плату?“

Среди иноземцевъ вы много встрѣтите солдатскихъ дѣтей, но дѣтей повстанцевъ встрѣтите только у себя.

Литвинъ и Мазуръ—братья. Что же презираются братья изъ-за того, что одинъ носитъ имя Владислава, другой Витовта. Имя ихъ одно—имя Поляковъ.

ХІІІ.

Не препирайтесь о заслугахъ своихъ, ни о первенствѣ, ни объ отличіяхъ.

Однажды солдаты, исполненные отваги, штурмовали нѣкій городъ и когда поставили къ стѣнѣ лѣстницу, войска воскликнули: „первый, вступившій на стѣну, получить великую боевую награду“.

Ринулась первая рота, но такъ какъ каждый хотѣлъ первымъ достигнуть лѣстницы, то, толкая другъ друга, они уронили лѣстницу и были сбиты со стѣны.

И вотъ поставили другую лѣстницу и набѣжала другая рота, и первый, достигшій ступеньки лѣстницы, былъ на нее впущенъ, а прочіе за нимъ послѣдовали.

Но первый солдатъ на полдорогѣ лишился силъ и остановился, другимъ заграждая путь. И шедшій за нимъ солдатъ ринулся на него и, сорвавши, бросилъ внизъ, сталкивая и другихъ; произошло замѣшательство, и всѣ они были побиты.

Но поставили третью лѣстницу и пошла третья рота. Передовой солдатъ, получивши рану, не захотѣлъ итти далѣе. Но наступавшій за нимъ былъ человекъ громаднаго роста и силы, и вотъ, не говоря ни слова, онъ сорвалъ его и понесъ надъ собою; закрылся имъ, какъ

щитомъ, и поставилъ на стѣну; потомъ въ порядкѣ побѣжали другіе и заняли городъ.

Послѣ этого войско сошлось на совѣтъ и намѣревалось дать большое отличіе этому сильному солдату. Онъ же на это сказалъ такъ:

„Братья-солдаты, вы кликнули кличъ, что первый, вступившій на стѣну, добудетъ отличіе, и вотъ раненый, вступившій раньше меня, онъ добудетъ этотъ знакъ отличія: черезъ него Богъ взялъ этотъ городъ.

Не скупитесь на уваженіе къ нему, говоря, что онъ только быстротѣ ногъ обязанъ первымъ мѣстомъ, ибо и быстрота есть преимущество въ солдатѣ, такъ же, какъ сила и храбрость.

Не говорите, что онъ ничего не сдѣлалъ, ибо еслибъ онъ не былъ раненъ впереди меня, то я получилъ бы раненіе, и быть можетъ сегодня мы не взяли бы города.

Но защищающій равень тому, кто сражается, щить имѣетъ ту же цѣну, что и мечъ. Отличія не требую, ибо всѣ знаютъ, что мною сдѣлано.

Богъ даетъ одолѣніе, расходуя быстроту одного, мужество другого, силы третьяго; и когда человѣкъ ловкій или сильный, вмѣсто того, чтобы нести болѣе слабаго товарища, сбрасываетъ его, онъ производитъ замѣшательство и ведетъ къ пораженію, а, хвастаясь заслугой, сѣетъ раздоры“²³).

XIV.

Пусть каждый несет свой талант Отчизнѣ тайно, какъ кружечное даяніе, и не говоря о томъ, сколько положилъ. Будетъ время, и наполнится кружка, и Господь Богъ впишетъ то, что вложено каждымъ.

Но если вы хвалитесь будете, что дали столько-то и столько-то, то высмѣютъ васъ люди и станетъ извѣстнымъ, что вы дали талантъ свой только ради похвалы.

Заслуга передъ Отчизной подобна пороху.

Кто разсыплетъ порохъ на большомъ пространствѣ и зажжетъ, тотъ достигнетъ слабаго блеска, безъ силы, безъ взрыва и дѣйствія.

Но кто заложитъ порохъ глубоко и зажжетъ, тотъ взорветъ землю и камни стѣнъ съ грохотомъ и силой, и люди скажутъ: „безъ сомнѣнія, тамъ много было зелья“, хотя на самомъ дѣлѣ и было его немного, но было оно глубоко заложено.

Также и заслуга, сокрытая глубоко, со славою обнаружится; а если иной сокрылъ ее такъ, что она никогда не раскроется въ этомъ мірѣ, то она откроется въ вѣчности, и громъ ея будетъ нескончаемымъ, свѣтъ неугасаемымъ и значеніе вѣчнымъ.

Заслуга передъ Отчизной подобна зерну; кто несетъ

это зерно въ рукѣ и всѣмъ показываетъ, восклицая „вотъ большое зерно“, тотъ засушить его и ничего изъ зерна не извлечетъ.

Но кто зароетъ зерно въ землю и терпѣливо ждетъ за недѣлей недѣлю, тотъ увидитъ, что зерно дало ростокъ.

А кто сохранить зерно въ колосѣ до слѣдующаго года, тотъ добудетъ сто зеренъ, а изъ тѣхъ ста тысячу тысячъ.

И потому тотъ, кто дольше ждетъ награды, больше и получитъ, кто здѣсь не получитъ, тамъ получитъ наивысшую.

Что же сказать о людяхъ, которые жалуются, говоря, что были храбры, но не получили ни чина, ни награды. Но развѣ вы бились ради чина или ордена? Кто для чина или ордена бьется, пусть идетъ въ Россію.

Что же сказать о людяхъ, которые жалуются, указывая: вотъ стоящій направо трусливъ, а получилъ орденъ; вотъ стоящій налѣво—человѣкъ недалекій, а получилъ повышеніе. Но развѣ хорошій солдатъ, идя на врага, оглядывается вправо и влѣво? Не оглядывается, но идетъ впередъ. Трусь тотъ, кто озирается по сторонамъ. Глядѣть вокругъ и все обозрѣвать—это дѣло военачальника.

Но что же сказать о людяхъ, жалующихся со словами: „начальникъ нашъ погрѣшилъ, давая награды и назначая къ повышеніямъ людей негодныхъ“. Вѣдь легко видѣть каждому недостатки начальника и не видѣть его заслуги, и видѣть въ то же время свои качества, не замѣчая своихъ пороковъ. И часто то хорошее, что присуще начальнику, необходимѣе народу, нежели наше хорошее.

Развѣ неизвѣстно вамъ, что Господь нашъ Иисусъ

Христосъ избралъ вмѣстѣ съ двѣнадцатю одного предателя среди Апостоловъ; если такъ, то Начальникъ совершеннъ, какъ человѣкъ, даже пять плохихъ избирая въ среду двѣнадцати къ должностямъ и награжденіямъ.

А среди Апостоловъ самымъ любимымъ былъ Святой Іоаннъ, самый младшій, и никакой отдѣльной власти не имѣвшій; онъ не былъ намѣстникомъ, какъ Петръ, не былъ предызбранъ обращать народы, какъ Павелъ, и не былъ казначеемъ, какъ Іуда.

Но Іоаннъ одинъ возвѣстилъ грядущее въ Откровеніи, и названъ Орломъ, и кончина его покрыта тайной, и многіе вѣрятъ, что онъ не умеръ, но доселѣ живетъ; подобнаго ни объ одномъ Апостолѣ не мыслятъ.

Смотрите же: и безъ должности заслуга явилась чудеснѣйшей изъ вѣка въ вѣкъ.

XV.

Среди иноземцевъ вы подобны хозяевамъ, что ищутъ гостей и зовутъ ихъ на праздникъ свободы въ домъ свой.

Нѣкій безразсудный хозяинъ, приглашая гостей, показалъ имъ прежде всего въ домѣ своемъ мусорницу и инныя мѣста для сору, и этимъ такъ возбудилъ отвращеніе, что никто потомъ не пожелалъ сѣсть за столъ у него.

Мудрый хозяинъ ведетъ своихъ гостей чистой прихожей на званый обѣдъ въ свѣтлую комнату. Мѣста для грязи и сору есть въ каждомъ домѣ, но они скрыты отъ глазъ.

Есть среди васъ люди, которые, говоря съ иностранцами объ Отчизнѣ своей, начинаютъ съ того, что было плохо и несовершенно въ ея законахъ и учрежденіяхъ; но иные начинаютъ съ того, что прекрасно и достойно вниманія прежде всего. Скажите же теперь, кто изъ нихъ подобенъ хозяевамъ безразсуднымъ, и кто мудрымъ. И кто удержитъ гостей въ домѣ своемъ.

Не мечите бисера передъ свиньями, не всѣмъ чужеземцамъ говорите о великихъ дѣянiяхъ, совершенныхъ народомъ вашимъ для блага міра, ибо одни вамъ не по-

вѣрять, иные же не уразумѣютъ, доколѣ сами не обратятся.

Нѣкій Христіанинъ жилъ у лѣса и лѣсничествовалъ. Однажды онъ накрылъ разбойника, кравшагося торопливо изъ лѣсу къ корчмѣ, въ которой жили евреи, чтобы перебить ихъ и ограбить. Разбойникъ сказалъ лѣсничему: „пойдемъ вмѣстѣ на жидовъ и подѣлимся ихъ добромъ“.

У лѣсничаго въ рукахъ было ружье, но заряженное только дробью для охоты на птицъ; все же онъ бросился на разбойника и ранилъ его; самъ, будучи тяжело раненъ, онъ схватилъ его за руки; и боролись они долго, пока разбойникъ не свалилъ лѣсничаго; и билъ его ногами, думая, что забилъ до смерти. Но, и самъ раненый, уже не могъ идти на разбой, теряя много крови, и возвратился въ лѣсъ. А лѣсничій поползъ къ корчмѣ за помощью.

И сказалъ евреямъ: „Вотъ я встрѣтилъ разбойника и отогналъ его, и ранилъ его, но какъ только онъ поправится, снова придетъ, если не сюда, то пойдетъ на грабежъ по другимъ корчмамъ. Пойдите, схватите его и свяжите; а если боитесь, то помогите мнѣ. Разбойникъ силенъ, но ослабленъ теперь, и мы съ нимъ справимся“.

Евреи видѣли изъ корчмы все происшедшее, и видѣли, что онъ ихъ защитилъ, но они боялись, что онъ будетъ просить платы.

И вотъ они приняли видъ необычайнаго удивленія, спрашивая его, откуда онъ пришелъ, чего хочетъ. Старики дали ему водки и хлѣба, а бахуры плакали, словно отъ жалости.

И все говорили: „Не вѣримъ, чтобы разбойникъ хотѣлъ насъ убить, онъ и прежде бывалъ здѣсь у насъ, пилъ водку и ничего плохого намъ не дѣлалъ.“

Лѣсничій имъ отвѣтилъ: „Если онъ былъ здѣсь, тѣмъ хуже для васъ, потому что онъ осмотрѣлъ домъ вашъ и сундуки ваши, и увидѣлъ, что въ домѣ живутъ евреи—народъ трусливый и малодушный“.

На это евреи снова заговорили: „Не клевети на народъ нашъ; развѣ не изъ нашего народа явился Давидъ, убившій Голиаѳа, и Самсонъ, сильнѣйшій изъ людей?“

И лѣсничій имъ отвѣтилъ: „Я человекъ несвѣдущій въ книгахъ; я слышалъ отъ приходскаго священника, что этотъ Давидъ и Самсонъ умерли и болѣе не живутъ, а потому говорите только о себѣ“.

А на это отвѣтили евреи: „Не наше дѣло очищать лѣса отъ разбойниковъ, на то есть магистраты и войско; поди и донеси имъ“.

Лѣсничій сказалъ: „Защищая васъ, я не обращался къ властямъ и солдатамъ не дожидался“.

Евреи отвѣтили: „Ты самъ себя защищаль“.

Лѣсничій сказалъ: „Однако я могъ бы помогать разбойнику грабить васъ, я могъ бы слѣдовать за нимъ вдаль молча, и онъ подѣлился бы со мною вашимъ добромъ. Я могъ бы также вовсе не выходить изъ дому“.

На это евреи отвѣтили: „Ты защитилъ насъ, потому что ожидалъ платы. Ну вотъ мы и дали тебѣ водки и хлѣба, и перевязали твою рану, и можемъ дать еще золотую монету“.

И лѣсничій имъ отвѣтилъ: „Не хочу вашей платы,

а за хлѣбъ, водку и лѣкарство отдамъ вамъ деньги, какъ только вернусь къ себѣ въ домъ“.

И снова сказали ему евреи: „Ты дрался съ разбойникомъ, мы знаемъ, потому что ты человѣкъ сварливый, любишь драку и гоняешься по лѣсу за звѣремъ“.

Отвѣчалъ имъ лѣсничій: „Если бы я вышелъ драться, я бы лучше вооружился, я взялъ бы пули и захватилъ бы топоръ, вышелъ бы или раньше или послѣ, но вы видѣли, что ни раньше, ни послѣ, но я вышелъ какъ разъ въ ту минуту, когда увидѣлъ разбойника, педшаго къ вамъ“.

И вотъ евреи удивились чрезвычайно и сказали: „Признайся, скажи намъ, чего ради ты сдѣлалъ совершенное тобой, и какіе у тебя были замыслы, потому что ты удивительный человѣкъ“.

И отвѣтилъ лѣсничій: „Этого одного вамъ не скажу, а если бѣ даже и сказалъ, вы не поймете, ибо одинъ умъ христіанскій, другой умъ еврейскій; но если бы вы обратились въ христіанство, вы сами поняли бы поступокъ мой, и не было бѣ нужды спрашивать меня“. И, сказавши это, ушелъ отъ нихъ.

А когда шелъ отъ нихъ, то стоналъ отъ боли.

А евреи говорили межъ собою: „хвалится храбростью, а стонетъ; рана его не тяжела, а стонетъ онъ только пугая нашихъ дѣтей“.

Знали евреи, что онъ тяжело раненъ, но чувствовали, что дурно они поступили, и хотѣли сами себѣ внушить, что ничего плохого не сдѣлали. И разсуждали громко, чтобы заглушить въ себѣ голосъ совѣсти²¹⁾.

XVI.

Въ чужой землѣ, среди беззаконія, вы какъ путники въ невѣдомой странѣ, попадающіе въ западню.

Въ волчью яму попали нѣсколько путниковъ. Были среди нихъ господа, слуги и провожатый.

Лишь только оказались они на днѣ ямы, смѣрили ее глазами, и, хотъ ничего не сказали другъ другу, но угадали, что надо было дѣлать.

И вотъ сталъ на днѣ ямы одинъ изъ нихъ, самый сильный и самый рослый, а другой сталъ ему на плечи, третій сталъ на плечи второму, а послѣднему сталъ на плечи провожатый.

Такъ, воздвигая лѣстницу, не считались они съ тѣмъ, кто господинъ, кто слуга, но судили по росту и ширинѣ плечей. Они разсудили также, что надо провожатаго поставить наверхъ и высадить изъ ямы первымъ, такъ какъ ему были извѣстны дороги и мѣста, гдѣ скорѣе всего онъ могъ бы найти помощь.

А когда провожатый ушелъ, они стали ждать молча, подкрѣпляясь ѣдой, имѣвшейся у нихъ въ дорожныхъ мѣшкахъ, удѣляя каждому сообразно его голоду.

Иные боялись, что проводникъ бросить ихъ тамъ, но молчали, чтобы не волновать спутниковъ; сказали только

про себя: „если онъ насъ предалъ, у насъ хватитъ времени для сѣтованія“.

Спустя немного времени проводникъ привелъ нѣсколько человѣкъ, извлекъ путешественниковъ изъ ямы и привелъ ихъ въ деревню.

И вотъ въ молчаніи они разстались; путники размышляли: „провожатый глупъ, но такъ какъ онъ заблудился по невѣжеству, а не по злему умыслу и довольно набрался страху, то оставимъ его въ покоѣ; однакоже въ другой разъ будемъ разборчивѣе брать проводника“.

А проводникъ думалъ: „я заблудился и едва не погубилъ этихъ достойныхъ людей, въ другой разъ не пойду проводникомъ“.

И было полное молчаніе среди этихъ людей съ минуты паденія до выхода изъ ямы.

На слѣдующій годъ новые путешественники съ другимъ проводникомъ попали въ ту же яму и рѣшили помочь себѣ тѣмъ же способомъ.

Но возникъ споръ о томъ, кого поставить на днѣ ямы, ибо господа не хотѣли выносить на плечахъ слугъ, а слуги боялись, чтобы господа, вышедши, не оставили ихъ.

Все же вмѣстѣ боялись выпустить проводника, потому что, увлеченные гнѣвомъ, они ударили его и брали за то, что онъ заблудился. Они принуждены были взять съ него клятвенное обѣщаніе, что онъ вернется.

Но лишь только тотъ вышелъ, какъ подумалъ: „они злые люди, они что-то замышляютъ противъ меня, ибо не повѣрили мнѣ, брошу ихъ тамъ въ ямѣ“. И, сказавъ такъ, направился къ себѣ.

И путники нѣсколько дней голодали, пока случайно не нашли ихъ люди и не извлекли ихъ.

Но, едва вышедши на свободу, одни захотѣли продолжать путь, другіе искать и наказать вѣроломнаго проводника. Такъ они перессорились и разстались.

Самые запальчивые шли, проклиная и угрожая проводнику, и случилось такъ, что ихъ никто не хотѣлъ провожать, не сдаваясь ни на просьбы, ни на денежные посулы.

А этотъ вѣроломный проводникъ клялся и кричалъ, что онъ невиненъ, что эти люди заблудились сами, и въ доказательство хорошаго знанія дороги брался проводить другихъ. И случилось такъ, что онъ снова сталъ причиною ихъ несчастія.

И была долгая ссора между ними съ минуты паденія до выхода изъ ямы.

XVII.

Въ пилигримствѣ вашемъ въ чужой землѣ, вы какъ народъ Божій въ пустынѣ.

Въ пилигримствѣ вашемъ чуждайтесь унынія, жалобы и сомнѣнія, ибо это—грѣхъ.

Вы знаете, что когда народъ Божій возвращался въ землю отцовъ своихъ, въ Святую Землю, онъ странствовалъ въ пустынѣ; и многіе изъ народа Божьяго впали въ уныніе и говорили: „вернемся въ Египеть; будемъ жить въ странѣ неволи, но въ изобиліи будутъ у насъ мясо и овощи“.

И Священное Писаніе говоритъ, что Господь разгнѣванный продлилъ народу время его странствованія, пока не вымерли впавшіе въ уныніе въ пустынѣ; ибо ни одному изъ нихъ не надлежало видѣть Святую Землю.

Вы знаете, что и другіе были среди народа Божьяго: были невѣрившіе пророкамъ своимъ и говорившіе: „какъ же добьемся мы земли предковъ, когда противъ насъ могущественные цари и народы, подобные исполинамъ“.

И повѣствуетъ Священное Писаніе, что Господь, разгнѣванный такимъ невѣріемъ, снова продлилъ странствованіе народа, покуда всѣ сомнѣвавшіеся не умерли

въ пустынь, ибо ни одному изъ нихъ не надлежало видѣть Святую Землю.

И не только тѣ, которые роптали вслухъ и сомнѣвались громко, но и тѣ, что сомнѣвались и роптали въ сердцѣ своемъ, умерли также, ибо читаетъ Господь въ сердцѣ, какъ въ открытой книгѣ, хотя для другихъ она и закрыта.

Ради того берегитесь грѣха ропота и сомнѣнія, чтобы не продлились дни вашего пилигримства.

И, какъ въ станѣ избраннаго народа, были носители заразы, больные проказой, такъ и межъ вами встрѣчаются прокаженные—дурные Поляки: отъ нихъ бѣгите, потому что ихъ зараза опаснѣе проказы.

Зараженный такой проказой не вѣритъ въ воскресеніе Польши, хотя онъ и сражался за нее и странствовалъ для Польши. А болѣзнь его сказывается въ такихъ словахъ: „я зналъ, что возстаніе было безумствомъ, но я бился храбро, какъ добрый солдатъ; я знаю, что возстановленіе Польши несбыточно, но пилигримствую, какъ человѣкъ чести“.

Услышавъ такія слова, бѣгите, затыкая уши, и скажите старшимъ, а старшіе прокаженнаго лишать должности, если онъ ее имѣлъ, и снимутъ съ него чамару, приказавъ ему одуматься, пробывъ дома положенное число дней.

Когда минуть положенные дни, они увидятъ, здоровъ ли онъ и сошли ли на него вѣра и благодать; и если онъ сталъ здоровымъ и отрекся отъ грѣха, то объявятъ его чистымъ и снова примутъ его въ пилигримство.

Но если больной говорить тѣ же слова, что и раньше,

тогда старшіе клеймятъ его и провозглашаютъ нечистымъ. И всѣ должны убѣгать его, вида его и словъ его; ибо въ немъ нѣтъ уже ни добраго солдата, ни человѣка чести, онъ только безумецъ и носитель зла.

Ибо, если онъ шель подь огонь въ бояхъ, то вѣдь и конь, котораго гналь шпорами Кракъ²¹⁾, и конь, везущій пушку подь кнутомъ ѣздового, тоже идетъ подь огонь; но можно ли лошадь назвать добрымъ солдатомъ?

А если прокаженный скажетъ, что онъ бился ради чести, то развѣ не ради чести сражается? И итальянецъ, убивающій стилетомъ своего соперника, развѣ не ради чести мститъ? Но развѣ то честь— это идолопоклонническое безуміе!

Воистину скажу вамъ, солдатъ, сражающійся безъ вѣры въ правоту своего дѣла, есть только звѣрь, а вождь, ведущій въ бой безъ вѣры въ свое дѣло—разбойникъ.

Прокаженный, на полѣ сраженія убившій двухъ враговъ, вернувшись въ лагерь, развращаетъ сердца солдатъ, и десяти своимъ несетъ духовную смерть.

Онъ похожъ на человѣка, который ходитъ въ церковь и преклоняетъ колѣна, но, вернувшись домой, при дѣтяхъ смѣется надъ Богомъ и Вѣрою.

И пусть онъ не оправдывается, говоря, что одно дѣло поступки и образъ дѣйствій, а другое слова и мысли; ибо передъ Отчиной можно тяжко согрѣшить словомъ и помышленіемъ, и каждый изъ этихъ грѣховъ не избѣгнетъ возмездія.

Вотъ мѣры охраненія отъ прокаженныхъ въ пилигримствѣ польскомъ.

XVIII ²⁵).

Среди иноплеменныхъ вы подобны апостоламъ среди язычниковъ.

Не разгорайтесь гнѣвомъ на идолопоклонниковъ, побивайте ихъ словомъ, иные побьютъ ихъ мечомъ; ихъ поразятъ евреи или люди ветхаго завѣта, чтущіе Вседержавность народа, равенство и свободу. Они ненавидятъ идолопоклонниковъ, и любви къ ближнимъ не имѣютъ; они посланы для истребленія идолопоклонниковъ Ханаанскихъ.

Они сокрушаютъ идоловъ ихъ, а идолопоклонниковъ будутъ судить по закону Моисея, Осии, Робеспьера и Сень-Жюста, истребляя всѣхъ отъ стариковъ до грудныхъ младенцевъ, отъ щенка до теленка. Ибо ихъ Богъ, именуемый Вседержавностью народа, богъ правосудный, но гнѣвный и истребительный, какъ огонь.

И, какъ среди евреевъ, въ столицѣ ихъ явился Христосъ и законъ Его, такъ въ столицахъ Европейскихъ вольнодумцевъ явится законъ вашъ, новый законъ самоотреченія и любви.

Ибо Англія и Франція подобны Израилю и Іудѣ. Если послушаете вольнодумцевъ, ссорящихся о двухъ палатахъ: о палатѣ наслѣдственной и о палатѣ выборныхъ,

о порядкѣ выборовъ, о цивильномъ листѣ короля и о свободѣ печати; не дивитесь мудрости ихъ—то мудрость ветхаго завѣта.

Есть фарисеи и саддукеи, которые препираются о чистомъ и нечистомъ въ ѣдѣ, но не понимаютъ, что значитъ любить и что значитъ умереть правды ради.

А когда они слышатъ васъ, пришедшихъ съ сѣвера, говорящихъ о Богѣ и о свободѣ, тогда приходятъ въ ярость и кричатъ, какъ книжники на Иисуса Христа, восклицая: „откуда столько мудрости въ этомъ сынѣ плотника? И какъ можетъ пророкъ выйти изъ Назарета? И какъ смѣетъ онъ учить насъ, старѣйшинъ и книжниковъ?“

А когда говорятъ они о вашей войнѣ за спасеніе народовъ, они не отрицаютъ, что вы сдѣлали хорошо, но утверждаютъ, что несвоевременно; какъ книжники, порицавшіе Христа за то, что Онъ осмѣлился исцѣлять въ субботу, и кричавшіе: „Разрѣшаетъ ли законъ врачевать въ день субботній?“

“

А если они даютъ милостыню вдовамъ и сиротамъ Свободы, вдовамъ и сиротамъ Испаніи, Португаліи, Италіи и Польши, то даютъ, разглашая объ этомъ въ палатахъ, подобно тому, какъ дѣлали это фарисеи.

А давая своей Родинѣ, обсуждаютъ, сообразно ли закону или конституціи они должны давать.

Но вашъ законъ иной, ибо вы говорите: „все, что наше, принадлежитъ Отчизнѣ; все, принадлежащее Отчизнѣ, есть достояніе людей свободныхъ“.

Англичане, любящіе свободу ветхозавѣтно, говорятъ:

„Отымемъ море у французовъ, какъ Израильтяне отняли города Иудей“; а французы ветхаго завѣта говорятъ: „отнимемъ у нѣмцевъ прирейнскія земли“, а нѣмцы говорятъ: „отнимемъ у французовъ прирейнскія земли“; и такъ всё они. Скажу вамъ все же, что безумны они и заражены идолопоклонствомъ, почитая Ваала, Молоха и Равновѣсіе.

Ибо гавани, моря и земли, все это наслѣдіе свободныхъ народовъ. Развѣ ссорится Литвинъ съ Полякомъ о границѣ Нѣмана, о Гроднѣ, о Бѣлостокѣ? Скажу вамъ, что Французъ, Нѣмецъ и Русскій должны жить, какъ Полякъ съ Литвиномъ.

Нѣкій дикарь вошелъ въ покинутый домъ съ женою и дѣтьми своими. И, видя окна, сказалъ: „въ это окно будетъ глядѣть жена моя, въ другое я самъ, а въ третье мой сынъ“. Такъ они и глядѣли, а отходя, по обычаю дикихъ, закрывали свѣтъ окна, чтобы свѣтъ, имъ принадлежащій, другимъ не достался. Прочая часть семьи оконъ не имѣла.

И сказалъ дикарь: „у этой печи я буду грѣться самъ“, ибо въ домѣ была одна только печь: „другіе пусть сами сдѣлаютъ себѣ печи“. А затѣмъ сказалъ: „вырубимъ въ домѣ для каждаго отдѣльную дверь“. Такъ они попортили домъ и дрались часто изъ-за свѣта, тепла и предѣловъ жилища.

Такъ же поступаютъ народы Европы, соревнуя въ книжной торговлѣ, въ торговлѣ виномъ, хлопкомъ, не зная, что наука и достатокъ составляютъ имущество одной семьи свободныхъ народовъ.

XIX.

Иные среди васъ разсуждаютъ объ аристократіи и демократіи и о прочихъ вещахъ ветхозавѣтныхъ; эти братья ваши ошибаются, какъ первые христіане, разсуждавшіе объ обрѣзаніи и омовеніи рукъ.

Народы будутъ освобождены не Ветхимъ Завѣтомъ, но заслугою Народа-Мученика, и крещены будутъ во имя Бога и Свободы. И кто такъ крещень—тотъ братъ вашъ.

Не разсуждайте много о законахъ; законъ—что долговая записъ, правители подобны займодавцамъ, а Отчизна имуществу. Чѣмъ хуже и лукавѣе займодавецъ, тѣмъ большія обязательства на него возлагаютъ; но отцу и брату довѣряются безъ обязательствъ.

Будьте же совершенны, какъ Апостолы, и народы довѣрятся вамъ, и то, что вы постановите, будетъ имѣть силу закона не только для васъ, но для всѣхъ свободныхъ народовъ.

Не слишкомъ вдавайтесь въ разсужденія о формѣ будущаго управленія въ Польшѣ. Лучшими правителями будутъ не тѣ, кто разсуждаетъ, а тѣ, кто обладаетъ наибольшей чуткостью и прекраснѣе всѣхъ жертвуетъ собою.

Нѣкія спроты искали опекуна, который могъ бы рас-

порядиться ихъ имѣніями и воспитать ихъ самихъ. И вотъ обратили они взоры на сосѣда, который былъ добрымъ помѣщикомъ, но корыстолюбцемъ; онъ скопилъ немалыя деньги, и ходила о немъ молва, что онъ человѣкъ предприимчивый, но жестокаго нрава, и сказали: „не хотимъ его, онъ будетъ богатѣть на нашъ счетъ“.

И вотъ подумали о другомъ сосѣдѣ, который написалъ книгу о хозяйствѣ, но самъ никогда не хозяйствовалъ; и вотъ сказали они: „и этого не хотимъ, онъ въ нашихъ имѣніяхъ будетъ учиться хозяйству“. Но слышали они о третьемъ, о человѣкѣ бѣдномъ, истратившемъ большое состояніе на поддержаніе жалобъ вдовъ и сиротъ, и сказали: „вотъ его пригласимъ“.

Форма будущаго правленія подобна образу рѣчи, произносимой мужемъ совѣта.

Ловкій человѣкъ, идя въ народный совѣтъ, обдумываетъ, какъ ему начать рѣчь, о чемъ заговорить прежде всего, что дать въ серединѣ рѣчи и чѣмъ закончить; такъ онъ научился въ школѣ; но такъ какъ онъ не чутокъ къ требованіямъ народнымъ, то рѣчь его, несмотря на искусное изложеніе, будетъ пуста и пройдетъ, не оставивъ по себѣ слѣда.

Но человѣкъ совѣсти, прійдя въ народный совѣтъ съ сердцемъ, полнымъ любви къ родинѣ и чувствомъ правдивости своихъ словъ, говорить, не думая о порядкѣ рѣчи, но всякое слово его будетъ на мѣстѣ, а скорописцы запишутъ его рѣчь для примѣра другимъ, и самъ онъ будетъ дивиться мудрости своей рѣчи.

Такъ и законодатели, полные любви къ Отчизнѣ, создадутъ учрежденія въ странѣ, сообразныя ея нуж-

дамъ, и страна получить прекрасное управленіе, и многіе возьмутъ за образецъ управленіе это, и будутъ ему слѣдовать.

Республика, которая будетъ основана вами, подобна лѣсу, засѣваемому владѣльцемъ.

Если владѣлецъ сѣетъ доброе сѣмя на хорошую землю, можно навѣрное сказать, что деревья вырастутъ, и нѣтъ нужды думать о внѣшности ихъ и бояться, что вырастутъ хвойные дубы и лиственные ели.

Сѣйте же любовь къ Отчизнѣ и духъ самопожертванія, и знайте навѣрное, что возрастетъ Речь Посполитая великая и прекрасная.

XX.

Нѣкая женщина впала въ летаргію, и сынъ ея позвалъ врачей.

И всѣ врачи сказали: „Избери одного изъ насъ для лѣченія ея“.

Одинъ врачъ сказалъ: „Я буду лѣчить ее по способу Брауна“, но прочіе отвѣтили: „Это плохой способъ, лучше пусть она лежитъ въ летаргіи и умретъ, но никогда не лѣчится по способу Брауна“.

Другой сказалъ: „Я буду лѣчить ее по системѣ Ганнемана“, но остальные отвѣтили: „Это дурная система; лучше ей умереть, чѣмъ когда-либо лѣчиться по системѣ Ганнемана“.

Тогда сынъ этой болящей сказалъ: „Лѣчите, какъ только можете, только вылѣчите ее“. Но врачи не хотѣли придти къ согласію, и ни одинъ не хотѣлъ уступить другому.

Тогда сынъ съ отчаяніемъ и скорбію воскликнулъ: „О, мать моя“. А женщина проснулась на голосъ сына, и ожила. Врачи были изгнаны.

Есть люди въ средѣ вашей, говорящіе: „лучше Польша спитъ въ неволѣ, нежели пробудится когда-либо на голосъ аристократіи“, и другіе, которые говорятъ:

„пусть лучше спать, нежели проснется однажды по во-
лѣ демократіи“; есть и третьи, они говорятъ: „пусть спать,
лишь бы не проснулась въ этихъ предѣлахъ“, а иные тре-
буютъ „иныхъ предѣловъ“. Всѣ они врачи, а не дѣти,
и не любятъ они матери Отчизны.

Истинно скажу вамъ, не доискивайтесь о томъ, ка-
кое будетъ правленіе въ Польшѣ, довольно вамъ будетъ
знать, что оно будетъ лучше всѣхъ вамъ извѣстныхъ;
и не загадывайте о границахъ, ибо онѣ будутъ шире,
чѣмъ когда-либо.

И каждый изъ васъ въ душѣ своей носить сѣмя
грядущаго закона и мѣру будущихъ предѣловъ.

Поскольку увеличите и украсите души ваши, постоль-
ку улучшите законы ваши и расширите границы.

XXI.

Вы слышите, что говорятъ евреи и цыгане, и люди съ душою еврейскою и цыганскою: „родина тамъ, гдѣ хорошо“; но Полякъ говоритъ народамъ: „родина тамъ, гдѣ плохо“, ибо гдѣ только есть угнетеніе свободы въ Европѣ и борьба за свободу, тамъ идетъ борьба за Отчизну. И въ той борьбѣ обязаны бороться всѣ.

Нѣкогда сказано было племенамъ: „не полагайте оружія, пока врагъ занимаетъ хотя бы пядь земли вашей“, но вы возвѣстите народамъ: „не слагайте оружія, пока деспотизмъ угнетаетъ хотя бы одну пядь свободной земли“.

Ибо и Французъ и Англичанинъ и Нѣмецъ защищаютъ свое добро и ненавидятъ враговъ своихъ. Однакоже, когда Французъ и Англичанинъ и Нѣмецъ путешествуютъ среди народовъ, то не выходятъ навстрѣчу имъ люди другихъ національностей и не поютъ имъ пѣсни ихъ. А васъ встрѣчаютъ и чествуютъ, и поютъ вамъ пѣсни ваши, ибо чувствуютъ, что вы ведете войну за Свободу міра.

И все же, если ваше ученіе о свободѣ и ваша жертва ради нея не будутъ совершеннѣе ученія и жертвы Французовъ, Нѣмцевъ и Англичанъ, то, воистину, скажу вамъ, вы не войдете въ Отчизну вашу.

Христось возвѣстилъ богоизбранному народу: „Если ты, племя Авраамово, не пойдешь за мною, то Богъ отринетъ тебя, изъ камней сотворить дѣтей Аврааму“; что значило изъ грековъ и римлянъ сотворить Христіанъ.

И Полякъ говоритъ Французамъ и Англичанамъ: „Если вы, дѣти Свободы, не послѣдуете за мною, то Богъ отринетъ потомковъ вашихъ и сотворить поборниковъ Свободы изъ камня, что значить, призоветъ Россію и Азію.

Ибо, кто отвергнетъ призывъ Свободы, тотъ не увидитъ лица Ея.

Была нѣкая царица, которая призвала простого солдата, поставивъ его въ главѣ войскъ, и сказала: „Истреби всѣхъ враговъ моихъ, и я дамъ тебѣ полцарства и буду женою твоею“.

И этотъ солдатъ вышелъ на поле, и шли съ нимъ войска, которымъ онъ приказывалъ именемъ царицы, и разбилъ противника, и прославился, и вошелъ въ силу.

И сказала царицѣ: „Время уже пришло, госпожа, сочетаться бракомъ съ тобою и царствовать спокойно“. А царица сказала: „Не время еще, ибо еще не всѣхъ враговъ моихъ ты побилъ“.

Тогда сказалъ разгнѣванный предводитель: „вотъ я старѣюсь и тучнѣю, а все долженъ воевать ради женщины; лучше водворюсь я среди имѣній своихъ и буду отдыхать“. И сталъ онъ жить въ помѣстїи, и оставилъ границы безъ обороны, а противникъ, возросши силами, приблизился къ его владѣніямъ и сталъ опустошать ихъ.

Тогда предводитель этотъ воспрянулъ быстро и выѣхалъ къ народу, и кликнулъ кличъ: „Беритесь за

оружіе и идите за мною защищать помѣстья мои, какъ прежде вы ходили за мною, побѣждая великими побѣдами“.

Но люди сказали: „А кто ты, безразсудный человѣкъ, чтобы намъ идти за тобою защищать твои помѣстья. Прежде мы шли за тобою, ибо ты звалъ насъ именемъ царицы, но теперь ты не полководецъ царскій, ты простой человѣкъ, такой же, какъ и всѣ“. И изгнали его.

Такъ какъ царица избрала уже другого простого солдата, и онъ сталъ вождемъ, ему повиновались, и съ нимъ побѣждали.

Эта царица—Свобода, а вождь ея былъ Французомъ ²⁶⁾.

XXII.

Когда въ пилигримствѣ вашемъ вы приходите въ городъ, благословляйте его со словами: „Свобода наша да будетъ съ вами“. Если примутъ васъ и услышатъ, то будутъ свободными; но если пренебрегутъ вами и не послушаютъ васъ, то благословеніе ваше вернется къ вамъ.

Покидая городъ и страну безвѣрную и раболѣпную, отряхните прахъ отъ ногъ вашихъ; и воистину, скажу вамъ, что легче было Тулону и Нанту и Ліону въ дни Конвента²⁷⁾, нежели будетъ городу этому въ дни Европейской Конфедераціи.

Ибо когда Свобода воцарится въ мірѣ, она будетъ судить народы.

И скажетъ она одному изъ народовъ: „Вотъ я подверглась нападенію и взывала къ тебѣ, прося брусъ желѣза на оружіе и щепотку пороху, а ты далъ мнѣ газетную статью“. А народъ этотъ спроситъ: „Госпожа, когда же ты взывала ко мнѣ?“ И отвѣтитъ Свобода: „Вотъ я взывала устами этихъ пилигримовъ, но вы не послушали меня, и вотъ идите въ рабство, гдѣ будутъ свистъ кнута и окрики команды“.

Воистину говорю вамъ, что пилигримство ваше станетъ пробнымъ камнемъ государствъ.

И обратится Свобода къ другому народу со словами: „Вотъ я была въ мученіяхъ и бѣдѣ, я просила у тебя покровительства закона и твоей охраны, а ты забросалъ меня указами“. И народъ этотъ спроситъ: „Госпожа моя, когда же ты приходила ко мнѣ?“ И отвѣтитъ Свобода: „Я пришла къ тебѣ въ одеждѣ этихъ пилигримовъ, но ты пренебрегъ мною, и вотъ иди въ рабство, гдѣ будутъ свистъ кнута и окрики команды“.

Державы отвергли камень вашъ въ европейской постройкѣ, и вотъ, камень этотъ станетъ камнемъ краеугольнымъ возникающаго зданія; но на кого онъ падетъ, тотъ сокрушенъ будетъ, и кто на него споткнется, тотъ упадетъ и не встанетъ.

И отъ огромнаго политическаго зданія Европы не останется камня на камнѣ.

Ибо столица Свободы будетъ въ иномъ мѣстѣ.

О Іерусалимъ, предающій смерти провозвѣстниковъ Свободы, убивающій пророковъ своихъ. Народъ, убивающій пророковъ своихъ, бьетъ самъ себя въ сердце свое, какъ въ припадкѣ безумія самоубійца.

Настанетъ великое гоненіе на Іуду и Израиля.

XXIII.

Правители Франціи и ученые Франціи, говорящіе о свободѣ и служащіе деспотизму, между народомъ своимъ и иноземнымъ деспотизмомъ вы падете, какъ брусъ холоднаго желѣза межъ молотомъ и наковальней.

И будутъ ковать васъ, и горячія оковки и искры отъ васъ будутъ летѣть до предѣловъ міра и скажутъ народы: поистинѣ тамъ идетъ великаяковка, какъ въ адской кузницѣ.

И будете взывать къ молоту, къ народу вашему: „Смягчись, о, народъ, и помилуй, вѣдь мы говорили о свободѣ“. И скажетъ молотъ: „Говорили одно, а дѣлали другое“. И съ новой силой упадетъ на брусъ желѣзный.

И будете взывать къ деспотическому правленію иноземцевъ, какъ къ глухой наковальнѣ: „О, деспотизмъ, мы служили тебѣ, смягчись, отверзись, дабы скрыться намъ отъ молота“.

И отвѣтитъ вамъ деспотизмъ: „Одно вы дѣлали, другое вы говорили“ и подставитъ вамъ хребетъ твердый и холодный, и будетъ брусъ перекованъ такъ, что никто его не узнаетъ.

Правители Англии и ученые Англии, вы гордитесь своимъ рожденіемъ и говорите: „Мой дѣдъ былъ лордомъ,

а прадѣдъ королемъ, будемъ же дружить съ дворянами нашими и съ королями Европы“. Но настануть дни, когда будете взывать къ народу: „Даруй намъ жизнь, ибо въ родѣ нашемъ не было ни короля, ни лорда, ни эсквайра“.

А вы, купцы и торговцы обоихъ народовъ, жадные до золота и процентныхъ бумагъ, вы посылали деньги, покушаясь на Свободу, но придетъ день, и вы будете лизать золото ваше и грызть бумаги ваши, но никто не пришлетъ вамъ хлѣба и воды.

Вы слышали о голодѣ, когда матери поѣдали дѣтей своихъ; но вашъ голодъ будетъ ужаснѣе: вы будете рѣзать уши у живыхъ родныхъ своихъ и сами у себя и будете печь ихъ и ѣсть. Вы шли на плутовство и заслужили того, чтобы, какъ преступникамъ, вамъ отрѣзали уши.

XXIV.

Вотъ книги народа и пилигримства польскаго, не измышленныя, но собранныя изъ исторіи польской, изъ твореній, повѣствованій и поученій Поляковъ, людей набожныхъ, посвятившихъ себя Отчизнѣ, Мучениковъ, Изгнанниковъ, Пилигримовъ²⁸⁾. Есть въ этихъ книгахъ нѣчто ниспосланное Милостью Божіею. Читайте ихъ, Воины—Братья Вѣры, а старшіе среди васъ, которыхъ вы зовете намѣстниками или подхорунжими, пусть дають вамъ объясненія и истолкованія.

Ибо начальники ваши подобны отцамъ большихъ семей, погруженнымъ въ заботы о дѣтяхъ, о хозяйствѣ, о домѣ.

Но ваши подхорунжіе подобны пѣстунамъ и дядькамъ молодыхъ братьевъ солдатъ, они безпрерывно при нихъ, ихъ охраняя.

Они повели войну народовъ, и да поможетъ имъ Богъ завершить ее счастливо. Аминь.

Faint, illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is arranged in several paragraphs, with some lines appearing as distinct sentences and others as continuous blocks of text. The characters are very light and difficult to discern against the aged paper background.

МОЛИТВА ПИЛИГРИМА

AMSTERSDAM 1710

Господи Боже Всемогущій. Дѣти воинствующаго народа простирають къ Тебѣ безоружныя руки съ разныхъ концовъ вселенной, взывая къ Тебѣ изъ глубины сибирскихъ шахтъ, отъ камчатскихъ снѣговъ, изъ степей Алжира и изъ чуждой земли французской. Намъ не позволено взывать къ Тебѣ въ Отчизнѣ нашей, въ Польшѣ, вѣрной Тебѣ, и старцы наши, и жены, и дѣти втайнѣ молятся Тебѣ слезами и помыслами.

Боже Ягеллоновъ. Боже Собѣскихъ. Боже Косцюшковъ. Смилуйся надъ Отчизной нашей и надъ нами. Даруй намъ снова молиться Тебѣ, какъ молились предки наши на полѣ битвы, съ оружіемъ въ рукахъ, предъ алтаремъ, воздвигнутымъ изъ барабановъ и пушекъ, подъ шатромъ изъ орловъ и хоругвей. Даруй семьямъ нашимъ молиться въ костелахъ городовъ и селеній нашихъ, а дѣтямъ на могилахъ нашихъ.

Но да будетъ во всемъ не наша, но Твоя воля. Аминь.

ЛИТАНІЯ ПИЛИГРИМОВЪ

THE END OF THE WORLD

Kyrie eleyson. Chryste eleyson.

Боже Отче, изведшій народъ Свой изъ Египта и возвратившій въ Святую землю,

Возврати насъ въ Отчизну нашу.

Сыне Спасителю, страдавшій и распятый, воскресшій и царствующій во славъ,

Воскреси изъ мертвыхъ Отчизну нашу.

Матерь Божія, отцами нашими названная Царицею Литвы и Польши,

Спаси Литву и Польшу.

Святой Станиславъ, заступникъ Польши,

Моли о насъ.

Святой Казиміръ, заступникъ Литвы,

Моли о насъ.

Святой Иосафатъ²⁹⁾, Заступникъ Руси,

Моли о насъ.

Всѣ Святыя Заступники Речи Посполитой,

Молите о насъ.

Отъ гнета Россійскаго, Австрійскаго и Прусскаго

Спаси насъ, Господи.

Во имя мученичества тридцати тысячъ рыцарей Барскихъ, павшихъ за Вѣру и Свободу,

Спаси насъ, Господи.

Во имя мученичества двадцати тысяч жителей Праги, изрубленныхъ за Вѣру и Свободу,

Спаси насъ, Господи.

Во имя мученичества юношей Литовскихъ, убитыхъ кольями, умершихъ въ рудникахъ и въ изгнаніи,

Спаси насъ, Господи.

Во имя мученичества жителей Опшмянскихъ, убитыхъ въ Храмахъ Господнихъ и въ жилищахъ,

Спаси насъ, Господи.

Во имя мученичества воиновъ, зарѣзанныхъ Пруссаками въ Фишау,

Спаси насъ, Господи.

Во имя мученичества воиновъ, засѣченныхъ въ Кронштадтѣ,

Спаси насъ, Господи.

Во имя раненій, слезъ и страданій всѣхъ узниковъ, изгнанниковъ и Пилигримовъ Польскихъ

Спаси насъ, Господи.

О всемірной войнѣ за Свободу Народовъ

Молимъ Тебя, Господи.

Объ оружіи и знамени народномъ

Молимъ Тебя, Господи.

О смерти счастливой на полѣ битвы

Молимъ Тебя, Господи.

О могилѣ костямъ нашимъ въ родной землѣ

Молимъ Тебя, Господи.

О независимости, цѣлости и Свободѣ Отчизны нашей

Молимъ Тебя, Господи ³⁰⁾.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

ПРИМЪЧАНІЯ

1) Владиславъ Мицкевичъ, указывая въ примѣчаніяхъ къ французскому переводу „Книгъ Народа Польскаго и Польскаго Пилигримства“ Изд. 1864 г. значеніе этого „идола“ Франціи, даетъ въ объясненіе слѣдующую историческую справку:

Французская революція свергла всѣ почетныя степени и различія. Наполеонъ Бонапартъ ихъ возстановилъ. Когда къ Первому Консулу явился прусскій посланникъ, увѣщанный орденами, Бонапартъ, принимая его и указывая на ордена, сказалъ: „Это внушаетъ почтеніе, эти вещи нужны для народа“. При учрежденіи ордена Почетнаго Легіона Берліе сказалъ: „Кресты и ленты игрушки Монархіи“. Наполеонъ возразилъ: „Это называютъ игрушками, что же,—при помощи игрушекъ управляютъ людьми. Я не скажу этого съ трибуны, но въ совѣтъ, среди людей мудрыхъ и государственныхъ, мы должны говорить все. Я не вѣрю тому, что французскій народъ любитъ свободу и равенство: французы нисколько не измѣнились въ 10 лѣтъ революціи, они, какъ галлы горды и легкомысленны. У нихъ есть лишь одно чувство—почетъ. Надо же дать пищу этому чувству, отличія нужны ихъ честолюбію“. Говоря однажды съ генераломъ Дюма, Наполеонъ выразилъ это мнѣніе не менѣе сильно: „Вотъ вамъ примѣръ Массена; вѣдь казалось бы довольно на его долю выпало и почестей и славы, а онъ все еще не удовлетворенъ, хочетъ быть принцемъ, какъ Мюратъ и Бернадоттъ; завтра онъ пойдетъ на смерть, чтобы стать принцемъ, таково основное побужденіе французовъ“.

2) Ансильонъ (1767—1837), членъ академіи наукъ и королевскій исторіографъ, глава Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ 1832 года. Его сочиненія носятъ отпечатокъ либерализма, но, какъ министр, онъ поддерживалъ всѣ реакціонныя мѣры, примыкая всецѣло къ тому направленію политики во Франціи, вдохновителемъ

котораго былъ Меттернихъ. Его политическая теорія извѣстна подъ именемъ „системы противовѣсовъ“: наука администратора и правителя, по мнѣнію Ансильона, должна состоять въ томъ, чтобы „противопологать силу силъ, уравнивать дѣйствіе противодѣйствіемъ, стараться водворить равновѣсіе быстрыми комбинаціями всевозможныхъ притяженій“ общественныхъ силъ.

3) Графъ Сегюръ въ своихъ мемуарахъ даетъ характеристику автора этой книги: „Фридрихъ въ молодости написалъ книгу „Анти-Макиавелли“, но первымъ актомъ его царствованія былъ актъ Макиавелліевой политики: безъ причины объявленная война, быстрое вторженіе въ Силезію и пять одержанныхъ побѣдъ возвѣстили Европѣ одновременно о героѣ и честолюбцѣ; какъ только союзники дѣлались ему бесполезны, онъ ихъ бросалъ. Немного позже онъ завладѣлъ Богеміей, Вѣна ожидала его вторженія. Однакожъ ему измѣнила судьба, эта капризная судьба, которая всѣмъ управляетъ и которую онъ самъ философски называлъ „Его Величество Случай“.

4) Маркизь Лафайетъ родился въ Оверни въ 1757 году. Когда дѣло Американской независимости казалось безнадежнымъ, онъ отправился двадцатилѣтнимъ юношей на собственномъ кораблѣ въ Америку, гдѣ два года сражался въ рядахъ возставшихъ. Изъ Америки онъ вернулся на противоположную сторону Атлантическаго океана и бился въ этотъ разъ во французскихъ полкахъ. Впослѣдствіи онъ взялъ на себя инициативу деклараціи правъ челоуѣка и гражданина по образцу американскихъ декларацій. Послѣ августа 1792 года долго былъ въ Австрійскомъ плѣну. Послѣ 1830 года онъ проявилъ себя самымъ настойчивымъ и горячимъ защитникомъ Польши и Италіи. Лафайетъ умеръ 30 мая 1834 года.

5) Въ 1444 году Владиславъ III, „Король Польскій и Венгерскій“, рѣшивъ изгнать турокъ изъ Европы, собралъ до двадцати тысячъ польскихъ, венгерскихъ и трансильванскихъ войскъ и въ началѣ ноября подступилъ къ стѣнамъ Варны. Султанъ Аму-

ратъ II находился въ Малой Азіи, но, узнавъ о вторженіи христіанъ, быстро переправилъ черезъ Босфоръ около ста пятидесяти тысячъ войска. Въ послѣдовавшихъ бояхъ король Владиславъ былъ убитъ и главнѣйшая армія, предводимая Іоанномъ Гуниади, была разбита.

Король Іоаннъ Собескій въ 1683 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ сильнымъ ударомъ своихъ армій отъснилъ турокъ, обложившихъ Вѣну.

6) Конституція 3 мая 1793 года см. Примѣчаніе къ 3-ей главѣ приложенія.

7) Фридрихъ II заключилъ союзный договоръ съ Речью Посполитою. Послѣ возвращенія изъ Петербурга Принца Генриха, брата прусскаго короля, хвастливо заявлявшаго, что онъ первый подаль мысль о раздѣлѣ Польши, прусскій король писалъ Вольтеру: „Вы увидите развязку, которой никто не ожидаетъ“.

Прусскій король въ письмѣ къ Станиславу-Августу 11 апрѣля 1790 года писалъ: „Я считаю за честь быть главнымъ союзникомъ народа полнаго такого благородства и смѣлости“. Союзный договоръ о совершенной дружбѣ Фридриха съ Польшей былъ подписанъ 29-го марта. Шестая статья этого договора гласила: „Если бы какая-нибудь иностранная держава захотѣла на основаніи какихъ бы то ни было предшествующихъ актовъ и договоровъ присвоить себѣ право вмѣшательства во внутренніи дѣла Речи Посполитой или отдѣльныхъ ея частей когда бы то ни было и какимъ бы то ни было способомъ, Его Величество Прусскій Король приложитъ старанія путемъ самыхъ дѣйствительныхъ доброжелательныхъ отношеній предупредить такіа враждебныя притязанія, но если таковыя доброжелательныя сношенія не возымѣютъ дѣйствія и результатомъ ихъ все же будутъ проявленія враждебности по отношенію къ Польшѣ, Его Величество Король Прусскій окажетъ помощь Речи Посполитой, согласно четвертой статьѣ договора“, т.-е. пришлетъ тридцать тысячъ человекъ на помощь Польшѣ. Предательство прусскаго короля не замедлило

сказаться въ томъ, какъ онъ провелъ Польскій раздѣлъ и какъ черезъ годъ послѣ подписанія договора ввелъ свои войска на территорію Польши, но нѣкоторое время онъ талантливо игралъ роль друга Польши лишь для того, чтобы съ большимъ успѣхомъ ее предать. 14 октября 1806 года послѣ Іены Пруссія надлежало сойти съ карты Европы. Наполеонъ сожалѣлъ о томъ, что этого не случилось, хотя и было въ его власти. Но возмездіе не стало менѣе неизбѣжнымъ, кого бы ни избрало Провидѣніе орудіемъ кары и какой бы часъ ни назначило для ея осуществленія.

⁸⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о народномъ волненіи въ Парижѣ 14 февраля 1831 года. Въ этотъ день толпа сбита крестъ на Saint-Germain l'Auxerrois, разрушила алтарь, разбила въ щепки кафедру и исповѣдальни и перебила изображенія святыхъ. 15-го февраля толпа хлынула во владѣніе архіепископства и разрушила нѣсколько зданій. Затѣмъ скопище ринулось къ собору Notre-Dame. Францискъ Араго съ отрядомъ 12-го легіона защитилъ соборъ отъ разгрома. Луи Бланъ сообщаетъ, что однимъ изъ дѣятельныхъ сбивателей крестовъ съ храмовъ въ эти дни былъ Тьеръ, онъ же одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ недоброжелателей Польши во Франціи, впоследствии министръ, возбуждавшій въ Мицкевичѣ самую искреннюю ненависть.

⁹⁾ Казимиръ Перье (1777—1832), основатель крупнаго банкирскаго дома въ Парижѣ, былъ членомъ муниципальной комиссіи, призвавшей Людовика-Филиппа, и президентомъ палаты депутатовъ. 13 марта 1831 года послѣ паденія министерства Лафитта сформировалъ новый кабинетъ, занявъ въ немъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Казимиръ Перье при обсужденіи польскаго вопроса въ своихъ рѣчахъ 18-го и 28-го марта, а также 13 апрѣля 1831 года высказался, какъ сторонникъ строгаго національнаго эгоизма и, въ сущности, былъ только безтактенъ: „Мы приняли систему мира; въ основу нашей политики мы полагаемъ лишь интересы Франціи. Франція можетъ начать войну только въ чисто французскихъ

интересахъ. Франція не можетъ быть слугою какого бы то ни было возстанія... Настало время, когда Франція принадлежитъ только Франціи. Вамъ предлагають отдать ваши арміи на службу повстанцамъ всѣхъ странъ, то-есть сдѣлать изъ нихъ гвардію, состоящую на жалованьи инсургентовъ¹⁰. Поляки упрекають Францію въ томъ, что въ теченіе цѣлаго столѣтія она умывала руки передъ распятіемъ Польши, подобно Пилату, и съ равнодушіемъ смотрѣла, какъ „разбирають ея ризы“ въ годы послѣдовательныхъ дѣлежей Польскихъ земель. „Галлъ Людовикъ XV и галлъ Робеспьеръ омыли руки, и галлъ Людовикъ Филиппъ сдѣлалъ такъ же“. Еще герцогъ Шуазель сохранилъ по крайней мѣрѣ традиціонное чувство связи, соединяющее Польшу съ Франціей, его преемникъ герцогъ д'Эгильонъ завѣрилъ прусскаго министра, что „Версальскій кабинетъ безразлично отнесется ко всему, что произойдетъ въ Польшѣ“, когда рѣчь шла о польскомъ раздѣлѣ, о гибели цѣлаго государства, имѣвшаго свой языкъ и давшаго свою культуру. Впрочемъ Людовикъ XV, услышавъ отъ австрійскаго посланника о состоявшемся раздѣлѣ, не безъ горечи замѣтилъ, что Шуазель не допустилъ бы этого раздѣла. Характерно все же выраженіе Наполеона: „Le partage de la Pologne est la cause première de la Revolution française“.

¹⁰) См. приложение: „Замѣтки историческія и литературныя, касающіяся мессіанизма Мицкевича, какъ автора „Книгъ Народа Польскаго и Польскаго Пилигримства“ гл. 23.

¹¹) Первое взятіе Варшавы относится къ 7 ноября 1794 года, когда Варшава капитулировала послѣ штурма Праги Суворовымъ. Вторично Варшава сдѣлалась добычей русскихъ войскъ во время возстанія 1831 года, когда Паскевичъ взялъ ее 7-го сентября. Въ этотъ годъ Мицкевичъ былъ уже за границей.

¹²) Королевства Вестфальское, Италійское и Голландское были такими же эфемирадами Наполеона, какъ и Великое Герцогство Варшавское.

¹³⁾ Титъ Ливій разсказываетъ объ этихъ подвигахъ гражданскаго самопожертвованія въ VII и VIII книгахъ. Богатый юноша Маркъ Курцій бросился въ бездну, возникшую на Форумѣ отъ землетрясенія, столь глубокую, что никакія усилія не могли ее заполнить. Эта бездна знаменовала собой гнѣвъ боговъ, и по указанію оракула могла зарыться лишь послѣ принесенія жертвы въ видѣ прекраснаго юноши на драгоцѣнномъ конѣ.

Неизвѣстно, о комъ изъ двухъ Деціевъ говоритъ Мицкевичъ: Децій-отецъ и Децій-сынъ одинаково прославлены римскими писателями за подвиги безпредѣльнаго героизма. Въ VIII книгѣ, разсказывая о подвигѣ Деція-отца, Ливій въ X книгѣ говоритъ о подвигѣ сына, павшаго въ сраженіи при Сентинѣ. Посвятивъ себя подземнымъ богамъ, Публий Децій Мусъ ринулся въ сердцевицу боя, и воодушевленное Римское войско опрокинуло ряды наступавшихъ самнитовъ.

Сцевола значитъ Лѣвша. Такъ прозвали Каю Муцію Корда. Какъ разсказываетъ въ III книгѣ своей исторіи Валерій Максимъ, этотъ молодой римлянинъ во время войны съ царемъ Порсеной пошелъ въ непріятельскій лагерь съ тѣмъ чтобы убить царя и освободить Римъ. Не зная въ лицо Порсены и пробравшись въ лагерь, онъ закололъ на смерть раздатчика солдатскаго жалованья и тутъ же, схваченный, былъ приведенъ къ царю. На допросѣ, слыша угрозу смертью, онъ положилъ руку въ горячіе угли и не издалъ ни звука, пока рука его истлѣвала въ огнѣ. Изумленному Порсенѣ онъ сказалъ, что триста юношей дали клятву убить его и что первый жребій палъ на того, кто сжигаетъ свою руку. Порсена успѣшно заключилъ миръ и отступилъ отъ города.

¹⁴⁾ Чамара—національная польская одежда, мужская, въ видѣ полукафтана.

¹⁵⁾ Этотъ французскій городъ—Буржъ, именно въ немъ при Людовикѣ Филиппѣ объявились 366 кандидатовъ, когда понадобилось лицо на должность палача.

¹⁶⁾ Въ этой главѣ идетъ рѣчь о ссорахъ, происходившихъ въ эмиграціи. Въ мартѣ 1832 года Мицкевичъ писалъ Лелевелю: „Здѣсь общая жалоба на несогласія, которыя легко можно было предвидѣть, потому что они вынесены изъ Варшавы и только дозрѣваютъ во Франціи“. Эта вражда разныхъ партій эмиграціи краснорѣчиво описана у Словацкаго въ его поэмѣ „Ангелли“. Въ Парижѣ еще до 31-го года существовали два польскихъ комитета. Возстаніе 31-го года вызвало усиленную эмиграцію, осѣвшую во Франціи и давшую четыре партіи, во главѣ которыхъ стояли Дверницкій, основавшій комитетъ польской эмиграціи, Бонаventura Немоевскій, составившій комитетъ членовъ временнаго правительства 1831 года, Лелевель, ставшій во главѣ демократической партіи, изъ которой въ мартѣ 1832 года крайніе выдѣлились въ особую партію; князь Адамъ Чарторижскій сталъ во главѣ аристократической партіи въ Парижѣ. Случайные представители масонскихъ организацій, очевидно, названные Мицкевичемъ „каменщиками“, не будучи тѣсно сплоченными, все же хотѣли вліять на „выборы кормчаго“.

¹⁷⁾ Праздникъ Повстанія—29 ноября н/с. 1830 года, его памятовали въ Парижѣ въ эмиграціи каждый годъ церковной службой и политической бесѣдой.

Память Грохова—побѣда Польскихъ войскъ 25 февр. н/с. 1831 г. подъ Прагой, одержанная княземъ Радзивилломъ и генераломъ Хлопицкимъ.

Память Вавра—побѣда, одержанная войсками генерала Скжинецкаго 19 марта 1831 года. Въ этотъ день, выбравшись изъ Праги, въ составѣ одного корпуса, поляки отбросили авангардъ генерала Гейсмара, стоявшій у Вавра, атаковали Розена и разбили его на голову.

¹⁸⁾ Генералъ Скжинецкій, одержавшій побѣду подъ Вавромъ (см. Примѣчаніе 17), былъ офицеромъ Наполеоновской арміи, потомъ былъ зачисленъ въ армію Царства Польскаго. Въ революцію 1830 г. получилъ дивизію, послѣ сраженій при Добре и

Гроховъ былъ избранъ главнокомандующимъ польскихъ войскъ. Проигравъ бой подъ Остроленкой, уступилъ свое мѣсто Дембинскому. По взятіи Варшавы эмигрировалъ во Францію. Впослѣдствіи служилъ въ бельгійскихъ войскахъ. Въ Парижѣ былъ причастенъ къ религіозно-политическимъ кружкамъ, одно время былъ близокъ Андрею Товянскому и всегда былъ близокъ Мицкевичу.

Дверницкій подъ Сточекомъ 2 февраля 1831 года во главѣ польскаго отряда разбилъ конно-егерскую бригаду генерала Гейсмара.

15-го мая послѣ горячаго боя подъ Остроленкой, въ которомъ польская армія была разбита, Сѣжинецкій собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено отступленіе къ Варшавѣ. Въ виду трудности положенія повстанцевъ въ Литвѣ, Сѣжинецкій приказалъ Гелгуду идти въ Литву на помощь повстанцамъ. Гелгудъ и Хлаповскій заставили русскія войска отступить къ Вильнѣ, но 7-го іюня оба были разбиты, только Дембинскому удалось успѣшно вывести войско изъ Литвы въ Польшу.

На Волыни командовалъ полкомъ Карлъ Ружицкій, бывшій главою возстанія на Волыни. Онъ служилъ въ Польскихъ войскахъ съ 1809 года, и послѣ 31-го эмигрировалъ во Францію. Воспоминанія современниковъ говорятъ о духѣ религіознаго энтузіазма, воодушевлявшемъ Волынской полкъ. Военнымъ лозунгомъ Ружицкаго было „Господу Слава“, и корпусъ его вмѣсто знамени имѣлъ образъ Богоматери. Ружицкій остался навсегда горячимъ приверженцемъ Андрея Товянскаго. Послѣдній посвятилъ ему одну изъ своихъ бесѣдъ. Ружицкій издалъ свои воспоминанія подъ названіемъ: „Pamiętnik pułku jazdy Wołyńskiej 1831 r.“.

„Юноши, дѣлайте, что задумали, идите и бейтесь“. Эти слова принадлежатъ Іоахиму Лелевелю, выступившему однимъ изъ вождей оппозиціи на сеймѣ 1830 года. Лелевель слишкомъ извѣстенъ, какъ польскій историкъ. Онъ былъ покровителемъ Мицкевича еще въ тѣ дни, когда, будучи студентомъ Виленскаго университета, Мицкевичъ слушалъ его лекціи. Лелевель былъ включенъ въ составъ временнаго правительства, являясь представителемъ крайней революціонной партіи. Въ 1831 году эмигрировалъ во Францію.

Его воззванія возбудили дипломатическую переписку между русскимъ и французскимъ правительствами, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ выѣхать изъ Парижа въ Брюссель. Лелевель изображенъ въ поэмѣ Словацкаго „Ангелли“ въ лицѣ главы демократической партіи Скартабелла.

Въ XII главѣ упоминается еще одинъ полякъ, котораго „всякій долженъ узнать въ повстанской чамарѣ“, сказанныя имъ слова желающіе могутъ найти во II томѣ книги А. Л. Погодина о Мицкевичѣ на страницѣ 153. Этотъ полякъ — Романъ Солтыкъ (1791—1845 гг.). Въ годы возстанія онъ былъ мобилизаторомъ національной гвардіи и добровольцемъ въ войскахъ Сквинецкаго. Ранѣе онъ командовалъ собственной конной батареей, а въ 1812 году состоялъ въ распоряженіи Соколыницкаго — генераль-адъютанта Наполеона I.

¹⁹⁾ Такой сборъ существовалъ въ Польшѣ среди еврейства. Державинъ, въ своей докладной запискѣ, которую, впрочемъ, нельзя принимать безъ критики, рассказываетъ о томъ, что евреи въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, помимо коробочнаго сбора, облагаются еще добровольнымъ налогомъ съ цѣлью выкупить у турокъ Палестину и возстановить Соломоновъ храмъ. Разные виды добровольнаго налога существовали въ польскомъ масонствѣ, въ „Патріотическомъ товариществѣ“, въ обществѣ филаретовъ и въ польской эмиграціи.

²⁰⁾ Битва подъ Остроленкой произошла 14 мая 1831 года. Сквинецкій, овладѣвшій Остроленкой 6 мая и отгнѣснвшій гвардію, въ этотъ день въ горячемъ и долгомъ бою былъ разбитъ.

²¹⁾ Мазурами называется польское племя, отличающееся нѣкоторыми особенностями выговора, занимавшее пространство отъ Восточно-Прусскихъ озеръ до Варшавской области включительно.

²²⁾ Главы XII и XIII создали тотъ духъ, которымъ вдохновлялись солдаты Польскаго легіона, сформированнаго Мицкевичемъ въ Италіи въ 1848 году. Объ этомъ Польскомъ легіонѣ сохранились воспоминанія Александра Філковскаго.

23) Наполеонъ говорилъ, что Польскій раздѣлъ явился первымъ толчкомъ Французской революціи. Польскіе историки утверждаютъ, что если бы не возстаніе 1831 года, то Императоръ Николай I раздавилъ бы Францію. Владиславъ Мицкевичъ полагаетъ, что Францію спасли польскіе повстанцы, поднявшіеся въ то время, когда Императоръ занесъ руку на Францію. Польша и была именно тѣмъ лѣсничимъ-христіаниномъ, который спасъ „еврейскую—корчму“—Францію отъ нападенія сѣвернаго „разбойника“. Сопоставленіе Франціи и еврейства въ „Книгахъ пилигримства“ не случайное: для Мицкевича французы Робеспьеръ и Сент-Жюсть, люди, „чтущіе Вседержавность народа, равенство и свободу“, суть „люди ветхаго завета, тѣ же евреи, ихъ законъ тотъ же законъ Моисея, Осін и пророковъ“.

24) Съ именемъ рыцаря Крака связана легенда объ основаніи древней столицы Польскаго Королевства. Старый Краковъ возникъ на холмѣ, который и теперь называется вмѣстѣ съ кремлемъ Вавелемъ. Сказаніе повѣствуетъ о томъ, что въ пещерѣ Вавеля жилъ громадный змѣй, истреблявшій жителей окрестныхъ селеній. Рыцарь Кракъ, задумавъ истребленіе змѣя, бросилъ ему на съѣденіе барана, наполненнаго горчицей сѣрой. Томимый жаждой, змѣй сталъ пить воду изъ Вислы и, лишившись движенія, былъ убитъ. Жители края избрали Крака королемъ. Кракъ выстроилъ дворецъ на Вавелѣ, пріобрѣтшемъ значеніе народной святыни. Краковскій замокъ въ теченіе семи вѣковъ былъ резиденціей польскихъ королей. Его украшаютъ многочисленные храмы и подземные каплицы. Со времени средневѣковья каждый король старался расширить дворцовое зданіе и пристраивалъ къ нему новыя помѣщенія. Въ XVI вѣкѣ столица королевства была перенесена изъ Кракова въ Варшаву, главный городъ католической Мазовіи. Въ подземныхъ часовняхъ, среди усыпальницъ польскихъ королей почиваютъ въ серебряной гробницѣ мощи Святого Станислава. Тамъ же погребены Косцюшко. 4 іюля 1890 года въ отдѣльной нишѣ на Вавелѣ погребены останки Мицкевича, перенесенные изъ Франціи.

25) Эта глава, выдвигающая отличительное значение мессіаниззма, является одной изъ важнѣйшихъ въ исторіи польской мысли. Мицкевичъ, выросшій изъ католичества, не идетъ по тому пути, который указанъ теоретиками свободы: и католичество, и культъ свободы для Мицкевича уже ветхій завѣтъ. Не порывая открыто съ католичествомъ, Мицкевичъ опредѣленно отмежевался отъ масонскаго и еврейскаго миссіонизма. Израильскій гнѣвъ и правосудное безстрастіе Робеспьера съ его ненавистью къ атеистамъ и культомъ Высшаго Существа, съ его провозглашеніемъ обязательнаго равенства и свободы — для Мицкевича лишь ветхій завѣтъ, его „Богъ, именуемый Вседержавіемъ народа, богъ правосудный, но гнѣвный и истребительный, какъ огонь“. Именно потому Мицкевичъ, сознавая національную миссію поляковъ, какъ народа, сознавшаго смыслъ и значеніе своихъ страданій, тѣмъ не менѣе, не усматриваетъ истинности цѣлей и правильности средствъ, установленныхъ для себя древнѣйшимъ народомъ-избранникомъ. Мицкевичъ противопоставляетъ ему другое достиженіе польскихъ пилигримовъ: „какъ среди евреевъ, въ столицѣ ихъ, ихъ явился Христосъ и законъ Его, такъ въ столицахъ европейскихъ вольнодумцевъ явится законъ вашъ, новый законъ самоотреченія и любви“.

Энциклика 5 октября 1833 года папы Григорія XVI лучше всякихъ другихъ цитатъ указываетъ на отношеніе къ Мицкевичу официальной церкви. См. Приложение.

Немногіе историки съ такой ясностью, какъ Мицкевичъ отмѣтили, что Сень-Жюсть и Робеспьеръ въ монархизмѣ видѣли идолопоклонство и возмущались, какъ левиты, судившіе почитателей золотого тельца. Установивъ культъ Единаго Высшаго Существа, Робеспьеръ во имя высшаго правосудія не щадилъ своихъ близкихъ и друзей, этому правосудію онъ принесъ въ жертву свою невѣсту Люцилію Демуленъ, восхитительную дѣвушку, бывшую сестрою Камилла Демуленъ, арестованнаго Робеспьеромъ по ничтожному подозрѣнію. Робеспьеръ и Сень-Жюсть были казнены въ 1794 году.

26) Явленію Наполеона Мицкевичъ придаетъ исключительное значеніе, гораздо болѣе исключительное, чѣмъ польскіе масоны

(см. глава 5 прилож.). Мицкевичъ видѣлъ въ Наполеонѣ носителя миссиі исключительной исторической важности, смѣшавшаго интересы своей человѣческой славы съ міровой задачей, возложенной на него. Наполеонъ былъ „воплощеніемъ духа чистой дѣятельности“. Наполеонъ, освободитель Польши, Наполеонъ, свершитель міровыхъ судебъ, былъ почитаемъ, какъ высшій духъ въ кружкѣ Андрея Товянскаго и еще раньше въ мистическихъ произведеніяхъ Гене Вронскаго, писавшаго о политической тайнѣ Наполеона, но все же „Наполеонъ усумнился, порвалъ связь съ высшими духами, остался одинъ, надѣясь на свои силы, и палъ“.

27) Участъ Ліона, Тулона и Нанта въ годъ революціи напоминаетъ участъ библейскихъ народовъ, истребленныхъ гнѣвомъ Іеговы, и свидѣтельствуетъ о томъ, что и послѣ девятнадцати вѣковъ христіанства носители высокихъ общественныхъ идей могутъ обладать каменными сердцами, совершать грандіозныя преступленія. Въ 1793 году въ дни вражды между жирондистами и коммунаю, коммуна добилась казни 29 депутатовъ жирондистовъ. Последніе подняли возстаніе въ провинціи противъ Конвента. Въ большихъ городахъ, въ томъ числѣ, Нантѣ, Ліонѣ и Тулонѣ якобинцевъ изгнали и замѣнили жирондистами. 60 департаментовъ возстали противъ Конвента и Парижа, но монтаньяры не растерялись: членъ комитета общественнаго спасенія Карно создалъ армію „истребителей“ и направилъ „адскія колонны“ въ возставшіе города, угрожалъ выровнять съ землею Ліонъ и приказывая комиссару Конвента въ Нантѣ сотнями сбрасывать жителей въ воду и разстрѣливать спасавшихся.

28) Къ этой главѣ есть рукописный вариантъ: послѣ словъ „мучениковъ, изгнанниковъ, пилигримовъ“ слѣдовало: ...особенно изъ наставленій поляка, который назывался Олешкевичъ и умеръ недавно, и изъ наставленій ксендза Станислава, который живетъ донинѣ и изъ наставленій людей поляковъ, и изъ книгъ ксендза, который именуется Ламеннэ“. Объ Олешкевичѣ см. приложение, гл. 17. Ксендзъ Станиславъ Холоневскій, съ которымъ Мицкевичъ былъ

близокъ въ эмиграціи, вліялъ на него въ смыслѣ кристаллизаціи его духа въ формахъ католической мистики. Отношеніе Мицкевича къ Ламеннэ рѣзко-противоположно въ два періода; первоначальная близость, которая никогда не утратила своей привлекательности для Ламеннэ, смѣнилась отрицательнымъ отношеніемъ къ послѣднему со стороны Мицкевича. Въ одномъ изъ писемъ 1842 года Мицкевичъ говоритъ: „Мы были несходны съ нимъ по духу и настроенію. Ксендзь Ламеннэ все основывалъ на разсужденіи, на полемикѣ, на интригахъ и т. д. Это былъ сухой, рациональный богословъ. Вѣру, созданную чудесами, кровью и воскресеніемъ изъ мертвыхъ, онъ хотѣлъ достроить газетами, брошюрами, и учрежденіями политическихъ обществъ. Я никогда не раздѣлялъ его мнѣній, и даже въ то время, когда особенно имъ интересовался, я избѣгалъ личныхъ съ нимъ отношеній“.

29) Святой Станиславъ родился въ Галиціи въ 1030 году. Въ 1071 году былъ сдѣланъ епископомъ Краковскимъ, а въ 1079 былъ убитъ въ Краковѣ въ церкви Святого Михаила во время обѣдни по приказанію короля Болеслава Храбраго, ненавидѣвшаго Святого, который обличалъ его безпутную жизнь и отлучилъ его отъ церкви. Житіе Святого, сравнивая короля Болеслава съ плодородной и обильной землей и говоря о королѣ, „одаренномъ доблестями, но безчеловѣчною въ наказаніяхъ, алчною въ налогахъ, гордомъ своимъ счастьемъ“, повѣствуетъ о томъ, что король, потрясенный величайшимъ злодѣяніемъ своей жизни, совершилъ покаяніе и искупилъ свой грѣхъ. Святой Станиславъ канонизованъ въ 1253 году папою Иннокентіемъ IV. Память его празднуется 7 мая, какъ память величайшаго польскаго святого.

Святой Казимиръ, сынъ короля польскаго Казимира III, былъ ученикомъ польскаго историка Лонгина (*Длугоша*). Казимиръ прославился христіанской чистотою жизни. Онъ умеръ въ 1484 году въ возрастѣ 55 лѣтъ, и былъ погребенъ въ столицѣ Литвы, въ Вильнѣ, въ соборѣ. Онъ былъ канонизованъ папою Львомъ X. Его память празднуется 4 марта.

Святой Гюсафатъ (*Кунцевичъ*), архіепископъ Полоцкій,

былъ убитъ въ Витебскѣ 28 сентября 1623 года. Тѣло его было брошено въ Двину. Исполняя приказаніе короля Сигизмунда III, великій гетманъ литовскій Левъ Сапѣга наказалъ смертію пять тысячъ человѣкъ причастныхъ убійству, взялъ тѣло епископа и отвезъ его въ Бялу въ Подляхію, гдѣ оно и покоится. Иосафатъ былъ причисленъ къ лику святыхъ, его память празднуется 26 сентября. Иосафатъ почитается по преимуществу покровителемъ Бѣлой Руси.

³⁰⁾ Въ Барѣ, въ Подоліи, 21 февраля 1768 года была провозглашена конфедерация во главѣ съ Иосифомъ Пулавскимъ, съ тремя сыновьями и его племянниками, съ Францискомъ Потоцкимъ и Михайломъ Красинскимъ. Въ теченіе пяти лѣтъ конфедерация, возникшая на почвѣ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, разрослась въ войну за независимость Польши. Во время этой войны погибло свыше тридцати тысячъ конфедератовъ.

Въ воспоминаніяхъ Михаила Огинскаго, которыми, очевидно, пользовался Мицкевичъ, приводится именно эта цифра 20000 убитыхъ при штурмѣ Праги, предместья Варшавы, 4 ноября 1794 года русскими войсками. Огинскій рассказываетъ, что восемь тысячъ поляковъ полегли съ оружіемъ въ рукахъ, и двѣнадцать тысячъ жителей Праги погибли во время штурма.

Во время польскаго возстанія 1831 года, 17 апрѣля, въ Ошмянѣ, неподалеку отъ Вильны, по разсказу Христіана Островскаго произошелъ такой случай: въ то время, когда шла обѣдня въ костелѣ на городской площади, польскіе добровольцы пытались задержать переправу русскихъ войскъ черезъ рѣку. Послѣдствіемъ этой попытки была жестокая расправа съ жителями Ошмянъ.

Тотъ же Христіанъ Островскій рассказываетъ о томъ, какъ въ 1832 году безоружныя польскія войска послѣ неудачнаго возстанія, перейдя прусскую границу, были перерѣзаны нѣмцами въ Фишау, въ то время когда они были наименѣе опасны и когда всего болѣе искали пріюта.

ПРИЛОЖЕНІЕ

THE JOURNAL